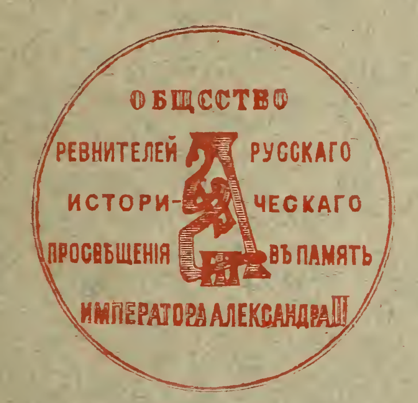
Изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія
въ память Императора Александра III.

ВЫПУСКЪ XI.

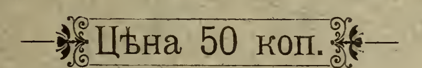

ВОЙНА и МИРЪ
(1805–1812).

Съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника.

По поводу сочиненія графа Л. Н. Толстаго „Война и миръ".

Авраама Сергѣевича Норова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. И. Акинфіева и И. В. Леонтьева, Бассейная, 14.
1903.

Изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія
въ память Императора Александра III.

ВЫПУСКЪ XI.

ВОЙНА И МИРЪ

(1805—1812).

Съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника.

ПО ПОВОДУ СОЧИНЕНІЯ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО „ВОЙНА И МИРЪ“.

Авраама Сергѣевича Норова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. И. Акинфіева и И. В. Леонтьева, Бассейная, 14.
1903.

Печатано по распоряженію Совѣта Общ. ревн. русск. истор. просвѣщенія
въ память Императора Александра III.

Перепечатано безъ измѣненій съ изданія 1868 года.

ВОЙНА и МИРЪ

(1805—1812).

Съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника.

По поводу сочиненія графа Л. Н. Толстаго «Война и Миръ».

Подъ заглавіемъ: «Война и миръ» вышло сочиненіе графа Толстаго, въ которомъ онъ, въ видѣ романа, представляетъ намъ не одинъ какой-либо эпизодъ изъ нашего общественнаго и военнаго быта, но довольно длинную эпоху мира и войны. Романъ начинается съ Аустерлицкой кампаніи, которая еще такъ больно отзывается въ сердцѣ каждаго русскаго; разсказъ доведенъ теперь до Бородинскаго сраженія включительно и, говорятъ, будетъ продолженъ за эту эпоху. Читатели, которыхъ большая часть, какъ и самъ авторъ, еще не родились въ описываемое время, но ознакомленные съ нимъ съ малолѣтства, по читаннымъ и слышаннымъ ими разсказамъ, поражены при первыхъ частяхъ романа сначала грустнымъ впечатлѣніемъ представленнаго имъ въ столицѣ пустаго и почти безнравственнаго высшаго круга общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющаго вліяніе на правительство; а потомъ отсутствіемъ всякаго смысла въ военныхъ дѣй-

ствіяхъ и едва не отсутствіемъ военныхъ доблестей, которыми всегда такъ справедливо гордилась наша армія. Читая эти грустныя страницы, подъ обаяніемъ прекраснаго, картиннаго слога, вы надѣетесь, что ожидаемая вами блестящая эпоха 1812 года изгладитъ эти грустныя впечатлѣнія; но какъ велико разочарованіе, когда вы увидите, что громкій славою 1812 годъ, какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ быту, представленъ вамъ мыльнымъ пузыремъ; что цѣлая фаланга нашихъ генераловъ, которыхъ боевая слава прикована къ нашимъ военнымъ лѣтописямъ, и которыхъ имена переходятъ доселѣ изъ устъ въ уста новаго военнаго поколѣнія, составлена была изъ бездарныхъ, слѣпыхъ орудій случая, дѣйствовавшихъ иногда удачно, и объ этихъ даже ихъ удачахъ говорится только мелькомъ, и часто съ ироніею. Неужели таково было наше общество, неужели такова была наша армія, спрашивали меня многіе? Если бы книга графа Толстаго была писана иностранцемъ, то всякій сказалъ бы, что онъ не имѣлъ подъ рукою ничего, кромѣ частныхъ разсказовъ; но книга писана русскимъ и не названа романомъ (хотя мы принимаемъ ее за романъ), и по этому не такъ могутъ взглянуть на нее читатели, не имѣющіе ни времени, ни случая повѣрить ее съ документами, или поговорить съ небольшимъ числомъ оставшихся очевидцевъ великихъ отечественныхъ событій. Будучи въ числѣ сихъ послѣднихъ (quorum pars minima fui), я не могъ безъ оскорбленнаго патріотическаго чувства дочитать этотъ романъ, имѣющій претензію быть историческимъ и, несмотря на преклонность лѣтъ моихъ, счелъ какъ бы своимъ долгомъ написать нѣсколько строкъ въ память моихъ бывшихъ начальниковъ и боевыхъ сослуживцевъ.

Не трудно доказать историческими трудами нашихъ

почтенныхъ военныхъ писателей, что въ романѣ собраны только всѣ скандальные анекдоты военнаго времени той эпохи, взятые безусловно изъ нѣкоторыхъ разсказовъ. Эти анекдоты остались бы совершенно въ тѣни, еслибъ авторъ, съ такимъ же талантомъ, какой онъ употребилъ на ихъ разработку, собралъ и изобразилъ тѣ геройскіе эпизоды нашихъ войнъ, даже несчастныхъ, которыми всегда будетъ гордиться наше потомство, оставляя даже многіе правдивые анекдоты, бичующіе зло. Еслибъ кто-нибудь сказалъ, что наши писатели или наши современники болѣе или менѣе пристрастны, я укажу, напримѣръ, относительно эпохи 1812 года только на одну книгу нашихъ противниковъ: Chambray, «Histoire de l'expédition de Russie», гдѣ слава русскаго оружія гораздо болѣе почтена, чѣмъ въ книгѣ графа Толстаго. Я не стану тербовать отъ романа, писаннаго для эффекта, того, что требуется отъ исторіи; но такъ какъ этотъ романъ выводитъ на сцену дѣятелей историческихъ, то я не могу не поставить его лицомъ къ лицу съ исторіею, добавивъ это сличеніе собственными воспоминаніями.

Никто изъ насъ, современниковъ столичнаго петербургскаго общества (1805 — 1812 гг.), не узнаетъ салона извѣстной г-жи Шереръ, фрейлины и приближенной императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ томъ отношеніи, чтобы къ ней собирался цвѣтъ столичнаго и дипломатическаго общества; и хотя можно угадывать означенное лицо, но мы не имѣемъ права его называть. Съ юношескихъ лѣтъ моихъ, со вступленіемъ юнкеромъ въ гвардейскую артиллерію, до производства моего въ офицеры въ 1811 году и до выступленія въ походъ въ мартѣ 1812 года, я жилъ у княгини В. В. Голицыной, супруги генерала-отъ-инфантеріи князя С. Ѳ. Голицына, командовав-

шаго тогда нашею обсерваціонною арміею въ Галиціи, съ которыми родители мои были въ близкихъ сношеніяхъ. Съ нею же вмѣстѣ жилъ сынъ ея, князь Ѳ. С. Голицынъ, недавно женившійся на дочери фельдмаршала князя Прозоровскаго. Этотъ домъ былъ въ постоянномъ общеніи со всею столичною аристократіею; поэтому я могу назвать всѣ тѣ дома, въ которыхъ сосредоточивалось высшее петербургское общество, и гдѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я самъ былъ принятъ. Вотъ имена лицъ: графъ и графиня Строгановы, графы Румянцевы — эти два дома преимущественно были посѣщаемы учеными и литераторами (графиня С. В. Строганова перевела всю поэму Данте) — княгиня Екатерина Ѳедоровна Долгорукая, княгиня Елена Никитична Вяземская, которой внучки очаровывали всѣхъ своею красотою, и куда очень часто ѣздилъ французскій посланникъ графъ Коленкуръ, вскорѣ отозванный и замѣненный графомъ Лористономъ, князь и княгиня Кочубей, Наталья Кирилловна Загряжская, графъ и графиня Литта, князь и княгиня Юсуповы, графъ и графиня Гурьевы, графъ и графиня Лаваль, князь и княгиня Ливенъ, графъ Н. А. Толстой, Александръ и Дмитрій Львовичи Нарышкины, Софья Петровна Тутолмина, Софья Петровна Свѣчина и другіе, которыхъ излишне было бы называть, и предъ которыми салонъ фрейлины Шереръ дѣлается темнымъ уголкомъ. Всѣ эти дома отличались или тонкостью образованія, или роскошью гостепріимства, и не думаю, чтобы въ какомъ-либо изъ нихъ называли Наполеона антихристомъ и тому подобное. Москву, въ которой я былъ мелькомъ передъ походомъ, я не могъ знать хорошо, и потому назову только моихъ родственниковъ: семейство графа Бутурлина, имѣвшаго огромную библіотеку, сгорѣвшую съ Москвой, семей-

ство графа А. И. Мусина-Пушкина, Маргариты Александровны Волковой, С. С. Валуева, князя С. И. Гагарина, и прибавлю къ нимъ дома С. С. Апраксина и графа Ростопчина. Салоны всѣхъ этихъ домовъ рѣшительно не подходятъ къ тѣмъ, которые описаны въ романѣ графа Толстаго.

Общество гвардейскихъ офицеровъ (это былъ блестящій вѣкъ гвардіи) состояло, большею частью, изъ лицъ старыхъ дворянскихъ фамилій, и отличалось какъ образованностью, такъ и утонченнымъ воспитаніемъ, и можно было правильно сказать, что у нихъ только и слышно было: «Жомини да Жомини, а объ водкѣ ни полслова». Этотъ стихъ партизана Давыдова, съ которымъ я былъ довольно хорошо знакомъ, относился къ гусарамъ и таковыми они были тогда. Я говорю отъ 1809 до 1812 года и не думаю, чтобы четыре года тому назадъ, т. е. въ 1805 году, когда я еще не былъ на службѣ, общество это было не то же самое. Конечно, были средь насъ шалости, въ нѣкоторыхъ и я участвовалъ, но подобная той, которая описана въ романѣ графа Толстаго (ч. I, стр. 43—48), есть совершенно исключительная и не могла произойти въ хорошемъ обществѣ тогдашнихъ гвардейскихъ офицеровъ.

Относительно Аустерлицкой кампаніи, многіе изъ моихъ старшихъ товарищей участвовали какъ въ этой, такъ и въ прусской кампаніи, и я отъ нихъ слышалъ много подробностей, тогда еще совсѣмъ свѣжихъ. Грустно для русскаго вспоминать объ этой эпохѣ, но еще грустнѣе читать тотъ разсказъ, который сдѣланъ искуснымъ перомъ русскаго офицера-литератора. Лѣтъ тридцать тому назадъ, я плылъ на одномъ пароходѣ съ маршаломъ Мармономъ изъ Линца въ Вѣну. Я съ нимъ познакомился въ

1835 году въ Египтѣ на кавалерійскихъ маневрахъ, которые дѣлалъ дня него Мегметъ-Али въ виду пирамидъ, на самомъ полѣ битвы Бонапарте съ мамелюками, и гдѣ самъ маршалъ Мармонъ былъ дѣйствующимъ лицомъ. Въ этотъ разъ мы проходили вдоль береговъ Дуная мимо полей нашихъ славныхъ битвъ: Энсъ, Амштетенъ, Мелькъ, Кремсъ, которыхъ героями были Багратіонъ, Милорадовичъ и Дохтуровъ. Французскій маршалъ указывалъ мнѣ на нѣкоторые пункты отчаянныхъ битвъ и называлъ ретираду Кутузова отъ Браунау и Кремса классически-геройскою. Таковою она считалась и у насъ до романа графа Толстаго. Говоря о самомъ Аустерлицкомъ сраженіи, которымъ съ такою подробностью занялся графъ Толстой, маршалъ Мармонъ съ увлеченіемъ восхвалялъ неимовѣрную стойкость нашихъ войскъ до катастрофы, когда отступающій лѣвый флангъ нашей арміи погрязъ въ полузамерзшемъ болотѣ, громимый французскою артиллеріею.

Какое мѣсто можно дать фатализму или случаю, на которомъ графъ Толстой основалъ военное искусство, если мы разсмотримъ послѣдовательно геніальное отступленіе Кутузова отъ Браунау до Брюна, когда онъ долженъ былъ постоянно бороться не только противъ несравненно сильнѣйшей арміи знаменитаго полководца, но и противъ несмысленныхъ повелѣній австрійскаго кригсрата (не выполняя ни одного изъ нихъ) и даже противъ измѣны? Ибо очевидно, что австрійцы, послѣ постыдной капитуляціи Мака, хотѣли и насъ уподобить себѣ, вовлекая въ неминуемое пораженіе: они уже ясно видѣли свою погибель и всю тщетность своихъ усилій. Повелѣніемъ Кутузову императора Австрійскаго удерживать, во что бы то ни стало, переходъ че-

резъ Иннъ и черезъ Дунай у Кремса, они явно приносили русскую армію въ жертву. Конечно, автора романа нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы онъ щадилъ австрійцевъ, но онъ могъ бы въ настоящемъ свѣтѣ выставить искусство и геройство нашихъ генераловъ. Не отступая отъ строгой исторической истины, всякій безпристрастный писатель отнесетъ всю неудачу кампаніи 1805 года къ австрійцамъ. Еслибъ Макъ съ 70,000 арміею не положилъ оружія, еслибъ Мерфельдтъ и Ностицъ не сдѣлали почти того же самого, то даже безъ соединенія съ войсками эрцгерцоговъ успѣхъ кампаніи могъ быть довольно вѣренъ подъ начальствомъ такого вождя, какимъ былъ Кутузовъ. Герой романа графа Толстаго, князь Болконской, присутствуетъ почти во все время славной ретирады Кутузова отъ Браунау, и авторъ имѣлъ случай выказать подвиги нашей арміи. Во всемъ романѣ графа Толстаго князь Болконской гораздо умнѣе и Кутузова, и Багратіона, и всѣхъ нашихъ генераловъ. Найдете-ли вы тамъ славную битву Багратіона и Милорадовича подъ Амштетеномъ, гдѣ эти два Суворовскіе генерала воодушевляли другъ друга памятью Требіи и Нови, и гдѣ Милорадовичъ прозвалъ своихъ апшеронцевъ: «Ce sont des crânes» [1]), щеголяя французскимъ языкомъ, который онъ плохо зналъ?) Битва подъ Амштетеномъ останется въ военной исторіи какъ одна изъ самыхъ яростныхъ, гдѣ русскій штыкъ истинно ознаменовалъ себя. Посмотрите же, какъ графъ Толстой отозвался о томъ: «Были дѣла при Ламбахѣ, Амштетенѣ и Мелькѣ; но несмотря на храбрость и стойкость, при-

---

[1]) Ce sont des crânes. Тутъ игра словъ, непередаваемая по-русски; crâne означаетъ черепъ и молодецъ, лихой. Близко къ этому выраженіе: Эхъ! головы!

знаваемыя самимъ непріятелемъ, съ которыми дрались русскіе, послѣдствіемъ этихъ дѣлъ было только еще быстрѣйшее отступленіе» (1, 221)—только что не сказано «бѣгство»! Но какое же это было отступленіе? Никакія силы французовъ не могли не только сломить, но даже и разстроить нашъ арріергардъ. Это отступленіе, по глубоко обдуманному плану, спасало всю армію и было доведено до конца съ полнымъ успѣхомъ черезъ соединеніе съ арміею, шедшею изъ Россіи до катастрофы Аустерлицкой, гдѣ уже не Кутузовъ, а гофскригсратъ и гадкіе проектеры, какъ говаривалъ Суворовъ, сдѣлались главнокомандующими. Посмотрите же, съ какою за то подробностью и какъ живописно описываетъ авторъ романа неурядицу при переходѣ черезъ Энсъ, которая едва-ли была такова. Отрядомъ командовалъ полковникъ графъ Орурктъ, въ то время отличный авангардный офицеръ. Неужели это онъ—въ лицѣ безтолковаго нѣмца, который не зналъ и не понималъ, что горючія вещества, положенныя подъ мостъ, были для того приготовлены, чтобы зажечь этотъ мостъ? Не желая проникать въ тайны свѣдѣній, которыми пользовался романистъ, я не считаю нужнымъ останавливаться на этомъ эпизодѣ храбрыхъ Павлоградскихъ гусаръ, который не совсѣмъ для нихъ лестенъ; но вспомнимъ о томъ критическомъ положеніи, въ которомъ находился Кутузовъ, подходя къ рѣкѣ Энсъ, отъ которой непріятель хотѣлъ его отрѣзать. Въ самое то время, когда напиралъ на него всѣми силами Наполеонъ, и когда Кутузовъ обезпечивалъ свой лѣвый флангъ австрійскимъ корпусомъ Мерфельдта, этотъ корпусъ, только что спасенный отъ конечной гибели отрядомъ князя Багратіона и затѣмъ оставленный въ Штейерѣ, былъ атта-

кованъ и оставилъ Штейеръ, открывъ лѣвый флангъ Кутузова... А въ довершеніе всего этотъ же корпусъ получилъ повелѣніе отдѣлиться отъ Кутузова и идти въ Вѣну, оставя только отрядъ графа Ностица! Между тѣмъ Кутузовъ имѣлъ повелѣніе Австрійскаго императора держаться на Энсѣ! Разумѣется, Кутузовъ не послушалъ и продолжалъ идти на соединеніе съ нашею второю арміею. Такимъ образомъ, послѣ молодецкой битвы подъ Амштетеномъ, Кутузовъ дошелъ до переправы черезъ Дунай у Кремса, которую ему также велѣно было защищать coûte qui coûte, тогда какъ корпусъ маршала Мортье перешелъ на лѣвый берегъ Дуная, направляясь по той сторонѣ на Кремсъ въ тылъ Кутузову, а Наполеонъ со всею арміею слѣдовалъ по путямъ Кутузова и припиралъ его съ противной стороны къ Дунаю. Кутузовъ быстрымъ переходомъ черезъ Дунай у Кремса разрушилъ всѣ замыслы Наполеона, и сверхъ того, разбилъ маршала Мортье, посланнаго ему въ тылъ, заставя его поспѣшно, съ остатками своего корпуса, едва спасшагося, перейти обратно за Дунай. Жаль, что князь Андрей Болконской находился во время этого кровопролитнаго боя при убитомъ въ этомъ сраженіи австрійскомъ генералѣ Шмитѣ, а не возлѣ Дохтурова или Милорадовича: иначе онъ могъ бы разсказать подробнѣе, а не на полстраничкѣ, славный бой, котораго не могла даже прекратить мрачная октябрская ночь, когда не луна, а огни пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ освѣщали ратующихъ въ горныхъ лѣсныхъ дефилеяхъ. Хотя авторъ романа называетъ наше сраженіе подъ Кремсомъ побѣдою, но сарказмы дипломата Билибина, въ разговорѣ съ княземъ Болконскимъ, приводятъ героя романа къ тому, что онъ на слова

дипломата: «При всемъ моемъ уваженіи къ православному россійскому воинству, я признаюсь, что ваша побѣда не весьма побѣдоносна», отдѣлывается только шуточно, отвѣтомъ: «однако, все-таки мы можемъ сказать безъ хвастовства: это немного получше Ульма!» А на то, что отчего не захватили маршала въ плѣнъ, и вмѣсто того, чтобъ прійти къ 7 часамъ утра, пришли къ 7 часамъ вечера, не даетъ никакого отвѣта, тогда какъ этотъ отвѣтъ могъ быть весьма коротокъ и ясенъ: оттого, что австрійскій генералъ-квартирмейстеръ Шмитъ завѣрилъ Кутузова, что ему горные пути Кремса извѣстны какъ своя комната, и что обходъ Газановой дивизіи съ тыла не представитъ никакихъ топографическихъ затрудненій. Нельзя было не повѣрить показаніямъ Шмита, облеченнаго неограниченною довѣренностью австрійцевъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ взялся быть колонновожатымъ, а потомъ заплатилъ за это своею жизнью, межь тѣмъ какъ проводники Дохтурова «ввели его въ непроходимыя горы, покрытыя лѣсами, гдѣ два человѣка съ трудомъ могли идти рядомъ, и то встрѣчая на каждомъ шагу препятствіе» [1]. И могъ бы также Болконской сказать Билибину на его слова: «какъ же вы со всею массою своею обрушились на несчастнаго Мортье при одной дивизіи»? что только въ томъ пунктѣ, гдѣ былъ самъ Мортье, была одна дивизія, но что у него ихъ было всего три: Газана, Дюпона и Дюмонсона, которые составляли цѣлый корпусъ, и что не вся масса Кутузовской арміи обрушилась на Мортье, и что эта масса была не весьма велика.

Послѣ Кремскаго сраженія, Кутузовъ, разрушая постоянно замыслы Наполеона, только что успокоенный

[1]) Данилевскій, 101.

нѣсколько судьбою кампаніи и торжественно завѣренный Австрійскимъ императоромъ, что единственный переходъ черезъ Дунай подъ Вѣною закрытъ отъ непріятеля всѣми силами не только его арміи, но и всею силою народа, начиналъ обдумывать новое положеніе дѣлъ, какъ вдругъ къ нему пришло извѣстіе, что Вѣнскій мостъ отданъ французамъ безъ боя и что Наполеонъ идетъ форсированными маршами перерѣзать ему соединеніе съ арміею Буксгевдена.

Не пора ли уже было, послѣ такого гнуснаго событія, разорвать всѣ связи съ австрійцами и рѣшительно отозвать наши доблестныя войска изъ среды срамнаго сборища такихъ полчищъ, которыя недостойны были носить шпаги на бедрахъ и ружья на раменахъ своихъ. «Эрцгерцогъ Карлъ ничего не дѣлаетъ, эрцгерцогъ Фердинандъ покрывается позоромъ!» сказалъ Билибинъ, и только за это ему спасибо. Не свѣжа-ли еще у насъ была тогда поносная измѣна этихъ самыхъ австрійцевъ великому Суворову? Не тутъ-ли еще были тому свидѣтелями Багратіонъ и Милорадовичъ? Уроки исторіи ни къ чему не послужили!.. Обманъ, по которому, говорятъ намъ, князь Ауерсбергъ отдалъ Вѣнскій мостъ французамъ, слишкомъ былъ глупъ, чтобъ можно было думать, что онъ ему повѣрилъ, но ему говорилъ Мюратъ: «не имѣя болѣе враждебныхъ намѣреній противъ австрійцевъ, мы идемъ искать русскихъ». Этотъ фактъ занесенъ въ скрижали исторіи, и послѣ того австрійскій императоръ не устыдился писать Кутузову: «Настаютъ самыя рѣшительныя минуты; намѣреніе непріятеля очевидно: помѣшать соединенію русскихъ армій; онъ раздѣлилъ армію на нѣсколько частей, изъ коихъ одна, переправясь черезъ Дунай въ Вѣнѣ, идетъ на васъ.

Самое лучшее было бы разбить его корпусъ по одиночкѣ, подобно тому, какъ вашимъ искусствомъ и храбростью войскъ разбитъ Мортье»!!!

Каждый часъ промедленія для Кутузова былъ уже пагубенъ. Наполеонъ, перейдя Вѣнскій мостъ, со всею арміею слѣдовалъ прямымъ путемъ на Цнаймъ, чтобы отрѣзать Кутузова отъ соединенія съ шедшею изъ Россіи арміею. Дорога изъ Кремса соединялась съ Цнаймскою у Гунтерсдорфа; съ половины пути Кутузовъ отрядилъ уже князя Багратіона, дабы онъ усиленными маршами, перейдя Гентерсдорфъ, заградилъ бы путь непріятелю, пока вся армія не выйдетъ позади его на Цнаймскую дорогу. Авангардъ князя Багратіона, утомленный трудностями пути, состоялъ только изъ 4,000 человѣкъ при одной батареѣ. (Леонидъ также съ 4,000 союзныхъ грековъ и своихъ спартанцевъ шелъ заградить путь персамъ). Онъ былъ обреченъ почти на вѣрную погибель; онъ долженъ былъ устоять противу напора всей Наполеоновской арміи, пока Кутузовъ не выведетъ свою армію на путь соединенія съ Буксгевденомъ. Какая величественная картина, когда Кутузовъ, разставаясь съ Багратіономъ, осѣнилъ его знаменіемъ креста. Подлинно, крестный подвигъ предстоялъ ему! Отъ генерала до солдата—всѣ это знали, и Багратіонъ передъ боемъ въ предварительномъ совѣщаніи со своими офицерами, подобно царю Спартанскому, прямо глядѣлъ въ глаза смерти. Надобно вспомнить, что прикомандированный къ Багратіону австрійскій генералъ графъ Ностицъ былъ поставленъ имъ въ авангардъ съ Гессенъ-Гомбургскими гусарами и съ двумя казачьими полками въ Голлабрунѣ, а самъ онъ занялъ въ двухъ верстахъ оттуда позицію въ Шенграбенѣ; какъ вдругъ за нѣсколько

часовъ до боя ему донесли, что Ностицъ, переговоря съ Мюратомъ, увѣрившимъ его, какъ и князя Ауерсберга, что съ австрійцами заключенъ отдѣльный миръ, отступилъ съ своими гусарами и открылъ французамъ свободный путь къ нападенію на русскихъ. Напрасно князь Багратіонъ старался доказать Ностицу всю нелѣпость Мюратовыхъ словъ, ставя въ примѣръ поступокъ князя Ауерсберга. Ностицъ предпочелъ повѣрить Мюрату, и говорятъ, будто Багратіонъ, плюнувъ, отворотился отъ него, взялъ своихъ казаковъ и велѣлъ готовиться къ бою. Вслѣдъ затѣмъ Мюратъ повелъ атаку свою на Шенграбенъ, а вскорѣ Сультъ, Ланнъ, Сюше, Вадманъ и Удино нахлынули на 4,000 героевъ Багратіона. У нихъ бы надобно было спросить дипломату Билибину, разсматривая свои ногти: отчего они не раздавили Багратіона и не привели его плѣнникомъ къ Наполеону? Уступая съ ожесточеннымъ упорствомъ противъ цѣлой арміи шагъ за шагомъ каждую пядь земли обагренной кровью, давая безпрестанные отпоры многочисленной непріятельской кавалеріи, громимые нѣсколькими батареями, имѣя противъ нихъ только одну, которая зажгла Шенграбенъ и тѣмъ долго удерживала натискъ непріятеля, рѣдѣвшіе безпрестанно ряды безстрашныхъ русскихъ бойцевъ, сохраняя стройный порядокъ, медленно несли на плечахъ всю французскую армію, защищаясь какъ львы, до полуночи къ селенію Гунтерсдорфу. Мракъ ноябрской ночи прикрывалъ происходившія въ нѣкоторыхъ пунктахъ разстройства отъ сильной убыли, и прибывшій на поле битвы самъ Наполеонъ, видя безполезность дальнѣйшихъ усилій, велѣлъ прекратить ночную рѣзню. Этой битвой князь Багратіонъ воздвигъ себѣ монументъ, который обережетъ навсегда

военная исторія. Въ пылу боя при неизмѣнномъ хладнокровіи, онъ своею распорядительностью умѣлъ всегда удержать своимъ присутствіемъ стройное отступленіе, приготовляя заблаговременно прикрытіе отступающихъ, чтобы дать имъ время устроиться отъ понесенныхъ потерь. Такимъ образомъ, проходя черезъ Гунтерсдорфъ, гдѣ тѣснота улицъ заграждала отступленіе, два баталіона пѣхоты и казаки удерживали чрезмѣрный натискъ на отступающихъ, которыхъ осталось уже менѣе половины. Разверните теперь романическій разсказъ графа Толстаго: онъ живописенъ, и такъ сказать, пахнетъ порохомъ. Но не прискорбно-ли видѣть, что такой отличный талантъ автора принялъ ложное направленіе? Узнаете-ли вы въ этомъ разсказѣ славную личность Багратіона, какъ полководца? Вы тутъ видите въ немъ ничѣмъ не развлекаемаго храбреца, объѣзжающаго ряды войскъ подъ градомъ пуль, киваюшаго головой и говорящаго: «хорошо» на всѣ дѣлаемыя ему донесенія, хотя бы это было и нехорошо... И князь Болконскій къ удивленію замѣчалъ, прислушиваясь къ разговорамъ князя Багратіона съ начальниками, что приказаній никакихъ отдаваемо не было, а что князь Багратіонъ только старался дѣлать видъ, что все, что дѣлалось по необходимости, случайности и волѣ частныхъ начальниковъ, что все это дѣлалось, хоть не по его приказанію, но согласно съ его намѣреніями». Весь успѣхъ дня, по его мнѣнію, выраженному имъ самому полководцу, принадлежалъ батареѣ капитана Тушина (которой дѣйствіе, впрочемъ, мастерски описано), и князь Болконскій принужденъ былъ обратить вниманіе князя Багратіона на этого храбраго батарейнаго командира, который даже не замѣченъ княземъ Багратіономъ, не удостоившимъ

его никакимъ «спасибо». Передъ началомъ сраженія, князь Болконскій съ батареей Тушина начертывалъ искусный планъ предстоящаго сраженія и этимъ какъ бы намекалъ, что такимъ-то образомъ слѣдовало бы дѣйствовать, еслибъ онъ былъ тутъ главнокомандующимъ, а не князь Багратіонъ... И это очевидно потому, что въ послѣдствіи ходъ сраженія былъ несогласенъ съ стратегическими соображеніями Болконскаго, тѣмъ болѣе, что князь Багратіонъ во время сраженія давалъ важнѣйшія порученія преимущественно своему личному адъютанту Жеркову, который оказывается трусомъ и не доѣзжаетъ ни до одного изъ угрожаемыхъ пунктовъ, не передавая такимъ образомъ приказанія Багратіона.

Сколько вдохновительныхъ строкъ могли бы излиться изъ-подъ искуснаго пера графа Толстого, еслибъ онъ описалъ присоединеніе оставшихся изъ четырехъ тысячъ двухъ тысячъ героевъ Багратіона, прозванныхъ даже австрійцами: Heldenschaar, когда Кутузовъ, принимая въ свои объятія Багратіона, воскликнулъ: «О потерѣ не спрашиваю: ты живъ—для меня довольно!» Вотъ какъ выразился объ этомъ графъ Толстой: «На другой день французы не возобновляли нападенія, и остатокъ Багратіонова отряда присоединился къ арміи Кутузова».

Можно-ли не возмутиться, читая исторію этой кампаніи, что Австрійскій императоръ послалъ вслѣдъ за симъ Кутузову повелѣніе съ его утомленною боями и форсированными маршами арміею остановиться и до соединенія съ Буксгевденомъ дать сраженіе Наполеону! Понятно, съ какимъ негодованіемъ Кутузовъ отправилъ ему свой отрицательный, но, къ сожалѣнію, слишкомъ учтивый отвѣтъ: «Австрійцы жаждали заключить миръ и вели тайные переговоры, но не могши склонить доб-

лестнаго и пылкаго императора Александра, они уже старались вовлечь въ погибель русскую армію. И я вѣрю тому, что доносилъ князь Долгорукій государю 6-го декабря 1805 года»:

«On amena l'armée de Votre Majesté plutôt pour la livrer à l'ennemi que pour le combattre, et ce qui achève cette infamie, c'est que nos dispositions étaient connues de l'ennemi, ce dont on a des preuves certaines» [1]).

Настаетъ Аустерлицъ... но я не хочу слѣдовать за графомъ Толстымъ. Мое перо не будетъ растравлять раны русскаго сердца. Кутузовъ могъ бы непритворно спать на военномъ совѣтѣ передъ Аустерлицемъ; онъ желалъ, можетъ быть, тогда заснуть вѣчнымъ сномъ. Но спалъ-ли онъ отъ Браунау до Брюна? Мы можемъ смѣло сравнить это отступленіе съ Ксенофонтовымъ отъ Тигра до Хрисополиса.

Графъ Толстой только слегка коснулся 1807 года; онъ привелъ скандалезное письмо Каменскаго къ Государю, ни слова не сказалъ о нашихъ подвигахъ въ блестящей для насъ битвѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, которой память у насъ ознаменована особымъ орденомъ (этотъ орденъ теперь остался едва-ли только не на одномъ генералъ-адъютантѣ графѣ Граббе). Кому же вспомнить объ Эйлау? Но за то подробно описалъ, какъ наша армія голодала въ Пруссіи, набѣгъ Денисова на провіантъ чужаго полка, и проч. и проч.

Читая разсказъ графа Толстаго о Тильзитскомъ свиданіи двухъ императоровъ, я припомнилъ то, что разсказалъ мнѣ однажды князь Александръ Николаевичъ Го-

---

[1]) Привели армію вашего величества скорѣе для того, чтобы ею пожертвовать, чѣмъ чтобы побѣдить; эту низость довершаетъ то, что наши диспозиціи были въ рукахъ у врага, чему есть несомнѣнныя свидѣтельства.

лицынъ о дерзости Наполеона. Оба императора представляли другъ другу своихъ приближенныхъ; когда дошла очередь до князя Голицына, Наполеонъ въ ту минуту, когда нашъ государь отклонился съ какою-то рѣчью въ сторону, сказалъ князю Голицыну въ полголоса: «N'ést ce pas, mon prince, ce que vous êtes en partie directeur de la conscience de Sa Majesté», Голицынъ нашелся: «Sire,— отвѣчалъ онъ ему,—Vous oubliez sans doute que nous ne sommes pas des catholiques romains» [1]).

Вотъ и 1812 годъ. Ермоловъ начинаетъ свои записки такъ: «Насталъ 1812 годъ, памятный каждому русскому, тяжкій потерями, знаменитый блистательною славою въ роды родовъ!» Посмотримъ, какіе эпизоды этой чудной народной эпопеи представилъ намъ графъ Толстой, и какъ онъ ихъ представилъ.

Начинаемъ съ Вильны. Авторъ романа говоритъ: «Русскій императоръ болѣе мѣсяца жилъ уже въ Вильнѣ, дѣлая смотры и маневры. Ничто не было готово для войны, которой всѣ ожидали и для приготовленія къ которой императоръ пріѣхалъ изъ Петербурга. Общаго плана дѣйствій не было. Колебанія о томъ, какой планъ изъ всѣхъ тѣхъ, которые предлагались, долженъ быть принятъ, еще болѣе усилились»... Еще до выступленія гвардіи изъ Петербурга, мы въ началѣ марта всѣ знали, что въ виду необычайныхъ приготовленій Наполеона, войска наши стянуты къ границамъ, что мы готовимся предупредить его планы, даже войною наступательною и что огромные магазины устроены въ Бѣлостокѣ и губерніяхъ Гродненской и Виленской. Планы для пред-

[1]) Неправда-ли, князь, вы отчасти духовникъ его величества. Ваше величество,—отвѣчалъ ему я,—вы по всей вѣроятности забываете, что мы не римскіе католики.

стоящей, почти неминуемой войны, давно уже обдумывались въ Петербургѣ. Ложные слухи, которые искусно распустилъ Наполеонъ, будто бы главныя силы его сосредоточиваются къ Варшавѣ и что одновременно австрійская армія направится на насъ изъ Галиціи, были причиною того, что мы разобщили наши силы на три отдѣльныя части: на первую западную армію, вторую западную и третью обсерваціонную. Переходъ Наполеона съ главными силами черезъ Нѣманъ у Ковно, межъ тѣмъ какъ корпусъ Даву направленъ былъ на Минскъ, противу князя Багратіона, ясно обнаружилъ его намѣреніе воспрепятствовать соединенію нашихъ армій. Первая западная армія, на которую шелъ Наполеонъ съ 220,000, состояла приблизительно отъ 110,000 до 127,000 человѣкъ, а вторая западная, на которую шелъ Даву съ 60,000, считала не болѣе 37,000. Отступленіе обѣихъ нашихъ армій для соединенія сдѣлалось уже необходимостью, хотя Барклай рѣшился принять сраженіе одинъ и даже извѣщалъ о томъ Багратіона.

Графъ Толстой говоритъ о девяти партіяхъ, существовавшихъ тогда, изъ которыхъ четвертую можно назвать неслыханною и во главѣ которой онъ ставитъ великаго князя Константина Павловича, наслѣдника цесаревича, и канцлера графа Румянцева. Эта партія, какъ говоритъ романистъ, сильно распространившаяся въ высшихъ сферахъ арміи, боялась Наполеона, видѣла въ немъ силу, въ себѣ слабость и прямо высказывала это. Они говорили: «Ничего кромѣ горя, срама и погибели изъ всего этого не выйдетъ... одно, что намъ остается умнаго сдѣлать—это заключить миръ, и какъ можно скорѣе, пока не выгнали насъ изъ Петербурга». Можно было безотвѣтственно наказывать и заставлять говорить по

своему князя Андрея Болконскаго, Безухова или Ростова, но безъ положительныхъ фактовъ ставить на сцену, какъ мы видѣли въ первыхъ томахъ, Кутузова, Багратіона, а теперь великаго князя Константина Павловича, Румянцева и другихъ, какъ мы увидимъ далѣе, едва-ли позволительно какому бы то ни было талантливому автору. Можемъ завѣрить, что такой партіи вовсе не существовало; то, что сказалъ императоръ Александръ въ рескриптѣ, посланномъ въ Петербургъ къ фельдмаршалу графу Салтыкову: «Я не положу оружія доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ» было лозунгомъ Россіи и арміи отъ прапорщика до генерала. Эти самыя слова поручено было Балашову, отправленному государемъ съ письмомъ къ Наполеону, заявить ему.

Разговоръ Наполеона съ Балашовымъ смѣшонъ: Наполеонъ является тутъ вполнѣ какъ le bourgeois gentilhomme Мольера. То, что можно простить солдату Даву, то самое не извинительно въ лицѣ французскаго императора. Въ этомъ смыслѣ и разсказывалъ Балашовъ свою поѣздку; но графъ Толстой постарался, какъ кажется, выказать униженіе, которому подвергъ себя Балашовъ. Авторъ даже усугубилъ грубость Даву, не упомянувъ, что французскій маршалъ предоставилъ въ его распоряженіе свою квартиру, багажъ и адъютанта. Въ разговорѣ съ Наполеономъ Балашовъ былъ менѣе находчивъ, чѣмъ князь Голицынъ въ Тильзитѣ, однако сказалъ гордому властелину Франціи, что онъ можетъ придти въ Москву черезъ Полтаву. Надобно замѣтить, что Наполеонъ съ намѣреніемъ замедлялъ принять Балашова и поручилъ Даву найти предлогъ продержать его, чтобъ не останавливать движеній своихъ для раз-

общенія нашихъ армій. Великій князь Константинъ Павловичъ, о которомъ графъ Толстой говоритъ, что онъ не могъ забыть своего аустерлицкаго разочарованія, гдѣ онъ, какъ на смотръ, выѣхалъ передъ гвардіею въ каскѣ и колетѣ, разсчитывая молодецки раздавить французовъ, попавъ неожиданно въ первую линію, насилу ушелъ въ общемъ смятеніи (что не совсѣмъ такъ: правда, онъ попалъ, но не неожиданно въ первую линію, и по милости австрійцевъ, ибо великій князь долженъ былъ тамъ найти уже князя Лихтенштейна, который пришелъ уже, какъ говорится, къ шапочному разбору), этотъ самый великій князь показалъ много стойкости: по его распоряженіямъ произведены были нѣсколько блестящихъ атакъ, какъ пѣхотою, такъ и кавалеріею. Подъ Аустерлицемъ онъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ какимъ мы его видѣли при польскомъ возстаніи въ Варшавѣ... Но обращусь къ своему предмету. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ, стоя съ генераломъ Ермоловымъ на нашей батареѣ, въ виду пылающаго Смоленска, при постепенно умолкающихъ выстрѣлахъ, онъ громко, но несправедливо порицалъ Барклая, удаляющаго его во второй разъ изъ арміи и не рѣшающагося удерживать непріятеля: «онъ не хочетъ, чтобъ я съ вами служилъ,—говорилъ великій князь,—и раздѣлялъ вашу славу и опасности». Кто зналъ канцлера Румянцева, тотъ также не вложитъ въ его уста или въ его мысли то, что высказалъ графъ Толстой. Присутствіе великаго князя оказывалось вреднымъ въ главной квартирѣ арміи; онъ не только не былъ во главѣ той партіи, о которой говоритъ графъ Толстой, но находился во главѣ порицателей Барклая, который не могъ устранить его отъ военныхъ совѣщаній, а между тѣмъ

великій князь, по своей непріязни къ Барклаю, громко критиковалъ всѣ его распоряженія и тѣмъ нарушалъ тайну военныхъ совѣтовъ. Надобно отдать справедливость Барклаю, что онъ ни мало не придерживался нѣмецкой партіи, которая и тогда, какъ въ 1805 году, едва не взяла верхъ на военныхъ совѣтахъ, куда Пфуль хотѣлъ внести элементы гофскригсрата. Не легко было Барклаю отъ него избавиться, но безсмысленный дрисскій лагерь оказалъ ему эту услугу и похоронилъ Пфуля.

Описывая первыя дѣйствія въ эту кампанію павлоградскихъ гусаровъ подъ Островной (хотя этотъ полкъ находился въ это время въ арміи графа Тормасова, что можно видѣть изъ сохранившихся росписаній и изъ реляцій Тормасова), авторъ романа представляетъ намъ разговоръ офицеровъ по случаю полученнаго извѣстія изъ арміи князя Багратіона, и между прочимъ, объ упорномъ боѣ у Салтановской плотины, гдѣ Раевскій явилъ теплый подвигъ патріотизма, который переходилъ тогда у насъ въ арміи изъ устъ въ уста; когда Раевскій, имѣя по сторонамъ своихъ двухъ, едва входившихъ въ юношество сыновей, вмѣстѣ съ генераломъ Васильчиковымъ, впереди Смоленскаго полка, подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ воодушевлялъ свои геройскіе ряды собственнымъ примѣромъ. Одинъ изъ сыновей Раевскаго просилъ находившагося возлѣ него подпрапорщика со знаменемъ передать ему знамя и получилъ въ отвѣтъ: «Я самъ умѣю умирать!» Многіе офицеры и нижніе чины, получивъ по двѣ раны и перевязавъ ихъ, опять шли на бой, какъ на пиръ. Посмотрите, какъ этотъ подвигъ осмѣянъ въ романѣ графа Толстого. Нельзя не выписать циническихъ словъ романиста: «Во-первыхъ, на плотинѣ, которую атаковали, должна быть такая путаница и тѣснота, что ежели

Раевскій и вывелъ сыновей, то это ни на кого не могло подѣйствовать, кромѣ какъ человѣкъ на десять, которые были около его самого,—думалъ Ростовъ;—остальные и не могли видѣть, какъ и съ кѣмъ Раевскій шелъ по плотинѣ. Но и тѣ, которые видѣли это, не могли очень одушевиться, потому что, что имъ было за дѣло до нѣжныхъ чувствъ Раевскаго, когда тутъ дѣло шло о собственной шкурѣ?» Замѣтьте: два генерала: Раевскій и Васильчиковъ со всѣми офицерами своего штаба, спѣшившись съ своихъ коней, идутъ въ головѣ Смоленскаго полка и никто этого не видитъ, и никого это не одушевляетъ, потому что всѣ думаютъ о своей шкурѣ...

Распространяясь объ ничтожной атакѣ павлоградцевъ (эту атаку надобно перенесть изъ сраженія при Островнѣ къ сраженію Тормасова при Городечнѣ, за которую эскадронный командиръ Ростовъ, конечно по опечаткѣ, награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени), и коснувшись уже военныхъ дѣйствій подъ Островною, не было-ли естественнѣе русскому перу обрисовать молодецкія кавалерійскія дѣла арріергарда графа Палена? Онъ закрылъ опасное отступленіе 1-й арміи среди бѣлаго дня въ виду Наполеона, который принялъ это за перемѣну фронта, ибо по дошедшимъ до него извѣстіямъ, онъ былъ увѣренъ, что мы готовимся принять генеральное сраженіе. И въ самомъ дѣлѣ, Барклай рѣшился на то: всѣ диспозиціи были уже сдѣланы вдоль рѣчки Лучесы. Слушая пушечныя выстрѣлы сражающаго авангарда и глядя на застилаемый дымомъ горизонтъ, мы уже разсуждали съ нашей батареи, поставленной на небольшомъ возвышеніи, какъ мы будемъ обстрѣливать наступающія на насъ колонны и разсчитывали съ нашими фейерверкерами по глазомѣру, ка-

кой пунктъ удобенъ для дальней и какой для ближней картечи, какъ вдругъ получили повелѣніе сниматься съ позиціи. Помню нашъ рапортъ... мы не знали обстоятельствъ. Барклай, котораго мы прозвали Фабіемъ-Медлителемъ, своею рѣшимостью принять передъ Витебскомъ генеральное сраженіе, имѣя 80,000 противъ 150,000, предводимыхъ Наполеономъ, не походилъ тогда на Фабія. Привезенныя адъютантомъ князя Багратіона (княземъ Меншиковымъ) извѣстія о неудачѣ его пройти черезъ Могилевъ и о трудностяхъ, которыя ему предстоятъ для соединенія съ 1-ю арміею въ Смоленскѣ, рѣшили главнокомандующаго на отступленіе послѣ собраннаго имъ военнаго совѣта. На этомъ совѣтѣ Тучковъ 1-й предлагаетъ оставаться на позиціи до вечера. «Кто-же поручится въ томъ, что мы еще до вечера не будемъ разбиты?» — возразилъ Ермоловъ. — «Развѣ Наполеонъ обязался оставить насъ въ покоѣ до ночи?» Помню также, что отступленіе наше въ виду французовъ было совершено въ такомъ строгомъ порядкѣ, какъ бы это было подъ Краснымъ Селомъ. Черезъ полчаса времени лѣсистое мѣстоположеніе скрыло наше отступленіе отъ глазъ непріятеля. Чтобы не выводить Наполеона изъ заблужденія, приказано было оставить наши бивуаки въ томъ же видѣ, какъ они были, и поручено было казакамъ разложить на ночь костры, какъ бы вся армія тутъ находилась.

Опасеніе, чтобы Даву не занялъ Смоленска прежде Багратіона, ставило Барклая въ необходимость поспѣшать къ Смоленску форсированными маршами; онъ отрядилъ впереди себя корпусъ Дохтурова съ гвардіею, которому было предписано идти усиленными форсированными маршами и во что бы то ни стало удерживать

Смоленскъ до прихода Барклая. Наша легкая батарея была въ авангардѣ Депрерадовича и можно сказать, что мы, какъ было приказано, шли по-суворовски. На привалахъ предпочитали часа два заснуть, а ѣли на маршѣ. Мы пришли подъ Смоленскъ въ глубокую темную ночь и увидѣли по ту сторону Днѣпра огни бивуачныхъ костровъ. Не зная чьи эти бивуаки, нашихъ-ли или непріятеля, намъ не велѣно было раскладывать огней, хотя мы нуждались сварить кашу; немедленно были посланы казаки развѣдать истину. Часа черезъ два возвратились наши разъѣзды съ криками «ура!» Это былъ авангардъ князя Багратіона, и вмигъ запылали костры и началась ночная солдатская пирушка. Вскорѣ пришелъ весь корпусъ Дохтурова. На другой день къ вечеру пришла и вся 1-я западная армія.

Можно-ли читать безъ глубокаго чувства оскорбленія не только намъ, знавшимъ Багратіона, да и тѣмъ, которые знаютъ его геройскій характеръ по исторіи, то, что позволилъ себѣ написать о немъ графъ Толстой? Всѣмъ извѣстно, что Багратіонъ былъ противныхъ мнѣній съ Барклаемъ, что онъ письменно и словесно укорялъ его въ ретирадѣ, что онъ считалъ его нѣмцемъ; но самъ Багратіонъ считалъ себя вполнѣ русскимъ, и могъ-ли этотъ доблестный воинъ рѣшиться изъ нелюбви своей къ Барклаю заслужить себѣ названіе измѣнника, избѣгая съ умысломъ, какъ то говоритъ графъ Толстой, присоединиться съ своей арміей къ Барклаю!.. Могъ-ли думать Багратіонъ, что за всѣ принесенныя имъ жертвы отечеству своею кровью, геройскій прахъ его будетъ потревоженъ такимъ неслыханнымъ нареканіемъ? Будемъ надѣяться, что только въ одномъ романѣ графа Толстаго можемъ мы встрѣтиться съ подобными оцѣнками мужей нашей

отечественной славы и что наши молодые воины, руководясь свѣточемъ военныхъ лѣтописей, къ которымъ мы ихъ обращаемъ, будутъ съ благоговѣніемъ произносить такія имена, какъ Багратіонъ.

Соединясь подъ Смоленскомъ съ арміею Барклая, Багратіонъ съ нимъ искренно примирился, когда оба главнокомандующіе выяснили другъ другу причины своихъ дѣйствій и разномыслій. Характеръ князя Багратіона былъ слишкомъ откровенный, а потому, объѣзжая вмѣстѣ съ Барклаемъ ряды его арміи, которую тотъ ему представилъ, онъ бы не сталъ нѣсколько разъ протягивать ему руку въ виду всего войска, чему я былъ самовидцемъ. Но вскорѣ послѣ того они опять разладили. Багратіонъ былъ (какъ я думаю) совершенно правъ: это произошло за отмѣну наступательнаго движенія къ Руднѣ, когда Наполеонъ, находясь въ Витебскѣ, разобщилъ свои силы. И дѣйствительно, тогда все обѣщало намъ успѣхъ. Мы подходили къ Руднѣ, какъ вдругъ движеніе было пріостановлено, и наконецъ, совсѣмъ отмѣнено, несмотря на то, что даже дѣйствія были уже начаты. Платовъ разбилъ подъ Инковомъ кавалерійскую дивизію Себастіани и еслибъ Барклай не сдѣлалъ безполезной дневки и быстро направился на Витебскъ, то онъ напалъ бы на непріятеля совершенно врасплохъ. Самый добросовѣстный писатель о войнѣ 1812 г. Шамбрэ говоритъ, что движеніе на Рудню было отлично обдумано и обѣщало успѣхъ; но онъ же говоритъ, что корпуса, противъ которыхъ предстояло Барклаю сражаться были сильнѣе его, что успѣхъ не избавилъ бы его отъ своего противника, а неудача могла бы навлечь большія бѣдствія на Россію. Какъ бы то ни было, послѣ этого Багратіонъ, только подъ Бородинымъ, смертельно ране-

ный, будучи свидѣтелемъ геройскихъ подвиговъ Барклая во время битвы, въ то время какъ докторъ Виллíе перевязывалъ ему рану, увидѣлъ раненаго Барклаева адъютанта Левенштерна, подозвалъ его къ себѣ и поручилъ ему увѣрить Барклая въ своемъ искреннемъ уваженіи [1]).

А какъ же это, по словамъ романиста, «французы наткнулись на дивизію Невѣровскаго», тогда какъ князь Багратіонъ, соединясь въ Смоленскѣ съ Барклаемъ, немедленно отрядилъ дивизію Невѣровскаго для наблюденія пути изъ Орши въ Смоленскъ?.. Французы не могли не наткнуться на Невѣровскаго. И кто же на него наткнулся? Мюратъ съ кавалерійскими корпусами Груши, Нансути и Монбрена, и наступающія вслѣдъ за ними пѣхотныя колонны корпуса маршала Нея.

Конечно романистъ не историкъ и можетъ приводить только тѣ обстоятельства, которыя касаются его героевъ; вѣроятно оттого онъ ни слова не сказалъ о славныхъ для русскаго оружія битвахъ графа Витгенштейна, о его побѣдахъ подъ Клястицами, о побѣдахъ подъ Кобриномъ и Городечною Тормасова и даже о пораженіи генерала Себастіани казацкими полками атамана Платова при Молевомъ Болотѣ, у Инкова. А это сраженіе входитъ уже въ кругъ военныхъ дѣйствій около Смоленска, и авторъ отчеркиваетъ общій ходъ дѣлъ кампаніи, даже говоритъ о сраженіи на Салтановской плотинѣ... Какъ же, назвавъ Невѣровскаго, онъ не нашелъ ничего сказать другого, какъ то, что мы привели? Подвигъ Невѣровскаго всѣми военными писателями, какъ нашими, такъ и иностранными, ставится какъ блистательный и достопамятный примѣръ превосходства хоро-

[1]) Данилевскій, II, 240.

шаго обученія пѣхоты, предводимой искуснымъ начальникомъ; это говоритъ и Шамбрэ, прибавляя, что всѣ усиленныя атаки французской кавалеріи (которыхъ было сорокъ) остались тщетными. Я помню съ какимъ энтузіазмомъ мы смотрѣли на Невѣровскаго и на остатокъ его молодецкой дивизіи, присоединившейся къ арміи.

Коснувшись Смоленска, мы остановимся покуда на этомъ предметѣ. Изъ всѣхъ обстоятельствъ видно, что планъ дѣйствій Барклая былъ имъ обдуманъ и рѣшенъ, и что тѣ же причины, по которымъ онъ отмѣнилъ наступленіе къ Руднѣ, заставили его не отстаивать Смоленска. Барклай, не считая еще армію Наполеона достаточно ослабленною, руководствовался правиломъ: не дѣлать того, что желаетъ противникъ, т. е. до поры до времени не вступать въ генеральное сраженіе, котораго такъ добивался Наполеонъ. Одинъ только графъ Толстой говоритъ, будто Наполеонъ очень лѣниво искалъ сраженія—за то его статья объ этомъ предметѣ походитъ на шутку. Онъ говоритъ, между прочимъ, что въ «историческихъ сочиненіяхъ о 1812 годѣ авторы-французы очень любятъ говорить о томъ, какъ Наполеонъ чувствовалъ опасность растяженій своей линіи, какъ онъ искалъ сраженія, какъ маршалы его совѣтовали ему остановиться въ Смоленскѣ» и прочее. И такъ мы должны вѣрить, что графъ Толстой гораздо лучше чѣмъ французскіе историческіе писатели и маршалы знаетъ, чего хотѣлъ и что думалъ Наполеонъ. Графъ Сегюръ оставилъ намъ весьма любопытный разсказъ совѣщанія Наполеона въ Смоленскѣ съ маршаломъ Бертье, съ генераломъ Мутономъ, Коленкуромъ, Дюрокомъ и министромъ статсъ-секретаремъ Дарю. Когда они отклоняли его идти далѣе Смоленска, онъ воскликнулъ: «Я самъ

не разъ говорилъ, что война съ Испаніею и Россіею, какъ двѣ язвы точатъ Францію, я самъ желаю мира; но чтобы подписать миръ, надобно быть двумъ, а я одинъ!..» Это былъ уже крикъ отчаянія! Графъ Толстой говоритъ намъ, будто «Наполеонъ началъ войну съ Россіей потому, что не могъ не пріѣхать въ Дрезденъ, не могъ не отуманиться почестями, не могъ не надѣть польскаго мундира, не поддаться предпріимчивому впечатлѣнію іюньскаго утра, не могъ воздержаться отъ гнѣва на Куракина и Балашова. Александръ отказался отъ всѣхъ переговоровъ, потому что лично чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Барклай старался наилучшимъ образомъ управлять арміей для того, чтобы исполнить свой долгъ и заслужить славу великаго полководца. Ростовъ поскакалъ въ атаку на французовъ потому, что не могъ удержаться отъ желанія проскакать по вольному полю»... Но мы удержимся оцѣнивать подобныя разсужденія, которыми преисполненъ романъ графа Толстого, по которымъ и Юлій Цезарь, и Наполеонъ, и Суворовъ, и всѣ полководцы обязаны своими побѣдами впечатлѣніямъ хорошей или дурной погоды, или какъ Ростовъ, желаніемъ поратовать по избранному ими полю!..

Какія вдохновительныя картины для пера писателя и для кисти художника представляютъ намъ даже офиціальныя реляціи о геройскихъ битвахъ подъ стѣнами Смоленска: Раевскаго, Дохтурова, Паскевича, Невѣровскаго—этихъ Аяксовъ, Ахилессовъ, Діомедовъ, Гекторовъ нашей арміи, на которыя мы съ завистью глядѣли съ противоположнаго берега Днѣпра и куда мы иногда урывались, чтобы познакомиться со свистомъ пуль и ядеръ, и съ молодечествомъ нашихъ воиновъ...

А эта процессія, наканунѣ праздника Преображенія Господня съ иконою Смоленской Божіей Матери, несомою съ фонарями, подъ громомъ борящейся артиллеріи, при свѣтѣ пылающаго Смоленска, иконы нашедшей себѣ убѣжище въ зарядномъ ящикѣ батарейной роты полковника Глухова, и которая съ того времени сопутствовала нашей арміи во всю кампанію до возврата ея опять въ свою святыню—но уже по трупамъ разгромленныхъ ея враговъ... Наполеонъ въ своемъ 13 бюллетенѣ написалъ слѣдующія звѣрскія строки, достойныя Аттилы: «Au milieu d'une belle nuit d'août, Smolensk offrait aux yeux des Français le spectacle qu, offre aux habitants de Naples une éruption du Vésuve [1]).

Какіе животрепещущіе эпизоды представляются намъ въ боковомъ движеніи Барклаевой арміи вдоль праваго берега Днѣпра, для выхода на большую Московскую дорогу, для соединенія съ геройскою арміею, подвизавшеюся подъ стѣнами Смоленска. Кто могъ забыть изъ насъ, очевидцевъ, которыхъ осталось уже такъ мало, этотъ опасный маршъ арміи въ мрачную ночь по проселочной дорогѣ съ артиллеріею, отъ Смоленска къ Соловьевой переправѣ, куда шелъ Багратіонъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра?.. Барклай выбралъ ночь и проселочныя дороги (тогда какъ большая дорога шла частью вдоль Днѣпра) для того, чтобы скрыть свое движеніе, а геніальный Наполеонъ, очарованный вступленіемъ въ разрушенный Смоленскъ, который не былъ взятъ, но оставленъ нами, выпустилъ изъ виду и Багратіона, и Барклая, котораго могъ бы отрѣзать отъ 2-й арміи, выйдя прежде его на москов-

---

[1]) Въ чудную августовскую ночь Смоленскъ представлялъ французамъ зрѣлище подобное тому, которое представлялось глазамъ жителей Неаполя во время изверженія Везувія.

скую дорогу, опрокинулъ слабый арріергардъ Багратіона, охранявшій этотъ путь со Смоленской дороги. И даже арріергардъ, по недоразумѣнію, снялся съ позиціи прежде, чѣмъ пришелъ къ нему на смѣну отрядъ 1-й арміи. Въ этотъ знаменитый день Тучковъ 3-й оказалъ обѣимъ арміямъ незабвенную услугу. Выйдя на большую дорогу и узнавъ, что арріергардъ князя Багратіона, подъ командою князя Горчакова, сошелъ со Смоленской дороги, соединяющейся съ Московскою и что ежеминутно можетъ показаться на ней ни чѣмъ не удерживаемый непріятель, идущій на перерѣзъ Барклаю, онъ своротилъ съ Московской дороги и вмѣсто того, чтобы по назначенію идти впередъ, обратился назадъ по Смоленской дорогѣ. Дѣйствительно, вскорѣ открывъ передовую цѣпь корпуса маршала Жюно, онъ приготовился къ бою на искусно выбранной позиціи. Всемъ извѣстно упорное сраженіе, начавшееся съ отряда Тучкова 3-го у Валутиной горы и кончившееся при Лубинѣ, когда со стороны непріятеля къ корпусу Жюно присоединились Ней, Мюратъ и дивизія корпуса Даву, а къ Тучкову 3-му, геройски отстоявшему всѣ первые напоры непріятеля съ 5,000 противъ 20,000,—корпуса Тучкова 1-го, Уварова и графа Остермана. Въ то время Наполеонъ прохлаждался въ Смоленскѣ и только на другой день пріѣхалъ въ каретѣ полюбоваться покрытымъ трупами 6,000 французовъ полемъ сраженія, и излить гнѣвъ на Жюно, хотя другіе маршалы посылали ему сказать съ поля сраженія, что оно принимаетъ болѣе и болѣе важные размѣры. Межъ тѣмъ Барклай, прибывшій въ самомъ началѣ сраженія, достигъ своей цѣли и обѣ арміи опять пошли рука въ руку по дорогѣ къ Дорогобужу. Идя всю ночь съ 6 на 7 августа проселочною дорогою, ис-

правляя мосты, вытаскивая изъ грязи завязшую артиллерію, мы рано поутру начали уже слышать вправо отъ насъ пушечные выстрѣлы, болѣе и болѣе учащавшіеся, то ближе, то дальше отъ насъ, по мѣрѣ сближенія дорогъ. Мы чувствовали всю опасность нашего положенія, если бы войска Тучкова и пришедшія къ нему на помощь не восторжествовали надъ усиліями непріятеля.

Извѣстно, что храбрый генералъ Тучковъ въ концѣ Лубинскаго сраженія, израненный, попался въ плѣнъ, былъ принятъ Наполеономъ и имѣлъ съ нимъ разговоръ. Пріемъ, сдѣланный Тучкову, былъ уже совсѣмъ не тотъ, каковъ былъ сдѣланъ Балашову и фанфаронство Наполеона значительно упало. Онъ почувствовалъ, что онъ въ Россіи, а не въ Польшѣ; отъ Вильны до Смоленска русскій штыкъ успѣлъ уже разгуляться въ его рядахъ, тутъ уже были одни русскіе, безъ любезныхъ союзниковъ нашихъ австрійцевъ. Тутъ онъ уже самъ предлагаетъ заключить миръ... Замѣчательны его слова: «Скоро-ли вы дадите сраженіе или будете все отступать?»

Мы не ставили бы на видъ автору романа главные военные эпизоды нашей славной войны 1812 года, если бы онъ не выходилъ изъ рамки романа, не вставлялъ въ нее военные эпизоды, облекая ихъ стратегическими разсужденіями, рисуя боевыя диспозиціи и даже планы баталій, давая всему этому характеръ историческій и тѣмъ вводя невольно въ заблужденіе, конечно, не военныхъ, но общество гражданское, гораздо болѣе многочисленное и которому, не менѣе какъ и военнымъ, дорога слава нашей арміи. Но какое сословіе пощажено въ романѣ графа Толстаго? Мы видѣли, какъ онъ обрисовывалъ нашихъ

полководцевъ и нашу армію; посмотрите теперь, что такое у него наши дворяне, купечество и наши крестьяне. Прочтите, какъ онъ описываетъ дворянское и купеческое собраніе въ Москвѣ при встрѣчѣ Государя, прибывшаго изъ Смоленска съ воззваніемъ къ своему народу. Эти сословія въ романѣ графа Толстаго суть не иное что, какъ Панургово стадо, гдѣ, по мановенію Растопчина, плѣшивые вельможи старики и беззубые сенаторы, проводившіе жизнь съ шутами и за бостономъ, поддакивали и подписывали все, что имъ укажутъ. Не одно симбирское дворянство, а дворянство во всей Россіи исполнило не на словахъ, а на дѣлѣ то, что было имъ опредѣлено: «Внимая гласу Монаршаго воззванія по случаю нашествія на отечество наше непріятелей, дворянство единогласно изъявило желаніе, оставя женъ и дѣтей своихъ, препоясаться всѣмъ до единаго и идти защищать вѣру, царя и домы, не щадя живота своего». Еще остались дѣти тѣхъ плѣшивыхъ стариковъ-вельможъ и беззубыхъ сенаторовъ, которыя также теперь беззубые и плѣшивые, но которыя помнятъ, какъ ихъ отцы и матери посылали ихъ еще юношами одного на смѣну другого, когда первый возвращался на костыляхъ или совсѣмъ не возвращался, положивъ свои кости на полѣ битвы и какъ ихъ отцы, хотя плѣшивые, но помнившіе Румянцева и Суворова, сами становились въ главѣ ополченій. Ихъ имена остались еще и останутся въ нашихъ лѣтописяхъ въ укоръ ихъ насмѣшникамъ [1]). Тамъ можно также прочесть, что дѣлали тогда толстые

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій и Богдановичъ въ исторіи Отечественной войны посвятили особыя главы этому предмету, но они не исчерпали еще всѣ источники.

откупщики и узкобородые съ желтымъ лицомъ головы, кричавшіе: и жизнь и имущество возьми Ваше Величество!

Въ романѣ графа Толстаго при описаніи осады Смоленска является очень симпатичное лицо Алпатыча; но жаль, что при этомъ случаѣ не нашлось словъ у автора съ тѣмъ же талантомъ, съ какимъ описаны имъ патетическія сцены въ Лысыхъ Горахъ, противопоставить бунту въ селѣ Богучаровѣ (который, если это не вымыселъ, едва-ли не есть случай единственный), подвигъ самоотверженія всѣхъ сословій смолянъ, на которыхъ преимущественно обрушилась внезапно вся тягота войны. Высокій подвигъ Энгельгардта и Шубина, которые были разстрѣляны французами у Малаховскихъ воротъ во рву за то, что не хотѣли принять у нихъ административную должность и сдѣлать воззваніе своимъ крестьянамъ, чтобы тѣ повиновались чуждой власти, могъ бы украсить патріотическій романъ. Этотъ высокій подвигъ смоленскихъ дворянъ, въ то время переходившій изъ устъ въ уста, пройденъ молчаніемъ; однако, онъ не забытъ у смолянъ, поставившихъ Энгельгардту и Шубину памятники на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они разстрѣляны.

Картина пожара и разрушенія Смоленска, и геройскихъ битвъ нашихъ войскъ подъ стѣнами его, глубоко напечатлѣлись въ нашемъ воображеніи и слѣдовали за нами во время медленнаго отступленія нашего къ Дорогобужу. Отъ всего этого у насъ накипѣло на сердце какое-то ожесточеніе противъ дѣлаемыхъ распоряженій, и это ожесточеніе безпрестанно усугублялось, особенно при видѣ длинныхъ обозовъ несчастныхъ жителей Смоленска и окрестныхъ селъ съ женами и грудными дѣтьми. Хотя обозы часто загорожали пути войску, но оно,

обыкновенно нетерпѣливое въ такихъ случаяхъ, тутъ съ особеннымъ уваженіемъ раздвигалось передъ ними, даже артиллерія принимала въ стороны, и солдаты пособляли выпроваживать крестьянскія телѣги, часто подходили солдаты къ верстамъ, читая на нихъ: отъ Москвы 310 или столько то верстъ, и уже чего тутъ не говорили!... Это было замѣчено, и версты были заранѣе свозимы съ дороги.

Отступленіе нашей арміи подобилось тогда отступленію льва передъ неодолимою силою, но готовящагося и выискивающаго только минуту, чтобъ ринуться на врага. Сначала Платовъ, потомъ Багговутъ и Коновницынъ своими аріергардами держали въ почтеніи наступающаго непріятеля, межъ тѣмъ какъ дѣлались распоряженія къ пріисканію удобной позиціи для общей битвы, которая сдѣлалась уже необходимостью. Ропотъ утихалъ, потому что всѣ видѣли и чувствовали, что настаютъ торжественные дни кровавой развязки и отмщенія. А графъ Толстой спрашиваетъ: для чего было дано Бородинское сраженіе?—и говоритъ, что оно ни для французовъ, ни для русскихъ не имѣло смысла!

Всѣ позиціи: при Дорогобужѣ, при Вязьмѣ, при Царевѣ-Займищѣ, которыя были попеременно избираемы, были отвергаемы, какъ бы недостойныя, готовящейся гигантской битвы! По оставленіи нами Вязьмы, городъ былъ зажженъ со всѣхъ концовъ самими жителями, которые присоединились къ арміи, какъ бы поощряя ее на мщеніе; но оно уже было готово въ сердцѣ каждаго солдата: поощреніе было не нужно.

Въ Царево-Займище прибылъ князь Кутузовъ и принялъ главное начальство надъ арміями. И это уже въ 147 верстахъ отъ Москвы!.. Мы опять имѣемъ пе-

редъ глазами нашего знаменитаго Ксенофонта, и съ нимъ опять Багратіонъ, Милорадовичъ, Дохтуровъ, тутъ же и нашъ истинный Фабій Барклай, понесшій столько язвительныхъ укоровъ отъ арміи, тотъ, съ которымъ эта армія должна была черезъ нѣсколько дней торжественно примириться на славныхъ поляхъ Бородина. Сохранилась легенда—мы, гвардейцы, этого не видѣли, а намъ тогда разсказывали—будто бы въ то время, когда Кутузовъ объѣзжалъ армію, орелъ пролетѣлъ надъ его головою, и что, когда ему замѣтили, онъ снялъ фуражку при заявляемомъ ему побѣдномъ предзнаменованіи.

Графъ Толстой разсказываетъ намъ, какъ князь Кутузовъ, принимая въ Царевѣ-Займищѣ армію, былъ болѣе занятъ чтеніемъ романа г-жи Жанлисъ «Les chevaliers du Cygne», чѣмъ докладомъ дежурнаго генерала. Всякій, кто помнитъ Кутузова, знаетъ, что онъ, вышедши изъ школы Суворова, любилъ принимать его замашки и странности, не только передъ солдатами, но и передъ своими окружающими. Конечно, тотъ, кто сообщилъ графу Толстому этотъ пикантный анекдотъ, буде онъ достовѣренъ, либо не зналъ, либо не понималъ Кутузова. И есть ли какое вѣроятіе, чтобы Кутузовъ, ѣхавшій прямо изъ Петербурга, напутствуемый своимъ монархомъ, всѣмъ населеніемъ столицы, а въ продолженіи пути всѣмъ народомъ, когда уже непріятель проникъ въ сердце Россіи, а онъ съ прибытіемъ въ Царево-Займище, видя передъ собою всѣ арміи Наполеона и находясь наканунѣ рѣшительной, ужасной битвы, имѣлъ бы время не только читать, но и думать о романахъ г-жи Жанлисъ, съ которымъ онъ попалъ въ романъ графа Толстаго?!! Тутъ же мы видимъ нашего

знаменитаго партизана Дениса Давыдова, котораго мы долго не хотѣли узнавать въ старомъ, усатомъ, пьяномъ лицѣ буяна Денисова. Могу завѣрить графа Толстаго, что Денисъ Давыдовъ, котораго я хорошо зналъ, хотя былъ и усатъ, но былъ тогда въ цвѣтѣ возмужалыхъ лѣтъ, и что лицо его было ни старое, ни пьяное, и что онъ всегда принадлежалъ къ кругу высшаго общества.

Кутузовъ осматривалъ вмѣстѣ съ Барклаемъ позицію при Царевѣ-Займищѣ, но по общемъ обсужденіи съ другими генералами, снялся съ этой позиціи, и, пройдя Колоцкій монастырь, 22-го августа сталъ на поляхъ Бородина... Мы почуствовали, что мы наконецъ стоимъ...

Войска, по мѣрѣ того, какъ подходили, выстраивались на предварительно назначенныхъ имъ мѣстахъ, и когда мы подошли, уже почти на всѣхъ гребняхъ возвышенной площади этой мѣстности сверкали сталь штыковъ и мѣдь орудій и разносились слитые голоса полчищъ и ржаніе коней. Мы не имѣли времени оглядѣться въ первый день, усталые отъ похода и занятые размѣщеніемъ орудій, коновязи, обоза и наконецъ, своихъ бивуаковъ *); намъ казалось, что мы пришли какъ бы на стоянку. И подлинно: для сколькихъ тысячъ изъ насъ это мѣсто сдѣлалось вѣчною стоянкою.

На другой день мы имѣли время ознакомиться съ мѣстностію; она была живописна. Я выѣзжалъ сначала на ближнее возвышеніе, гдѣ стояла срытая деревня Горки; тамъ было уже сдѣлано полевое укрѣпленіе, въ которое становилась часть батарейной роты знакомаго намъ полковника Дитрихса, а влѣво отъ нея рисовался курганъ образовавшій центръ позиціи. Съ возвышенія Го-

*) Я тогда былъ прапорщикомъ гвардейской артиллеріи во второй легкой ротѣ.

рокъ развертывался видъ на всю позицію, вдоль которой у подошвы холмовъ просвѣтлила извилистая Колоча; видѣнъ былъ и мостъ черезъ нее, ведущій къ селу Бородину, за которымъ въ концѣ горизонта высился Колоцкій монастырь. Слѣдуя вдоль высотъ вправо отъ Горокъ, тянулся нашъ правый флангъ къ невидной оттуда Москвѣ рѣкѣ, которой названіе неожиданно и грустно меня поразило: все какъ-то невѣрилось, что мы такъ близки къ Москвѣ.

Влѣво отъ Горокъ начиналась центральная наша позиція до оврага деревни Семеновской, откуда начинался нашъ лѣвый флангъ, упиравшій въ редутъ, сооруженный до нашего прибытія на срытой деревнѣ Шевардино, за которой виднѣлся лѣсъ. Этотъ редутъ отдѣлялся сзади глубокою лощиною отъ возвышенной мѣстности, на которой стояла деревня Семеновская; это былъ передовой постъ нашего лѣваго фланга, котораго позиція была видимо слабѣе не только праваго фланга, самаго сильнаго по крутизнѣ доступовъ къ нему, но и центра, и онъ могъ быть обойденъ черезъ прилегающій къ Шевардинскому редуту лѣсъ, сквозь который пролегала старая смоленская дорога, охраняемая у деревни Утицы корпусомъ Тучкова 1-го. Такова была первоначальная наша диспозиція. Впослѣдствіи Ермоловъ разъяснилъ генералу Ратчу, что наша боевая линія должа была составлять прямую линію, почти параллельную теченію рѣчки Колочи *); но Ермоловъ пишетъ въ своихъ запискахъ, что Кутузовъ, обозрѣвая позицію, приказалъ отслонить отъ редута лѣвое крыло такъ, чтобы глубокая лощина пролегала передъ его

*) «Артиллерійскій Журналъ» 1861 года, ноябрь, стр. 840.

фронтомъ. Должно замѣтить, что эта глубокая лощина представляла большія неудобства для сообщеній на лѣвомъ флангѣ и сдѣланною перемѣною конечность линіи избѣгала внезапныхъ атакъ скрывающагося въ лѣсу непріятеля, устраняла возможность быть обойденною, и, что особенно важно, сближала сообщенія князя Багратіона съ Тучковымъ, которые могли помогать одинъ другому, что и дѣйствительно произошло, какъ увидимъ; но эта же самая перемѣна, перегнувъ нашу линію, конечно дала непріятелю выгоду продольныхъ выстрѣловъ, и мы это на себѣ испытали. Я былъ и на центральномъ курганѣ, который считался ключемъ позиціи; но на немъ еще не были тогда поставлены орудія, ибо земляныя укрѣпленія не были еще кончены, и тамъ кипѣла работа съ помощью ополченцевъ. Необыкновенное оживленіе проявлялось какъ бы передъ большимъ праздникомъ во всѣхъ рядахъ войскъ. Въ пѣхотѣ чистили ружья, обновляли кремни; въ кавалеріи холили лошадей, осматривали подпруги, точили сабли; въ артиллеріи тоже холеніе лошадей, обновленіе постромокъ, смазка колесъ, осмотръ орудій, протравка запаловъ, пріемка снарядовъ,—все предвѣщало конецъ давнимъ ожиданіямъ арміи! Настало 24-е число. Уже часу въ четвертомъ пополудни слышны были какъ-бы дальніе громовые раскаты—это были пушечные разговоры за Колоцкимъ монастыремъ нашего аріергарда, подъ командою Коновницына, съ французскою арміею, навалившеюся на него. Всѣ позиціи наши на правомъ флангѣ и въ центрѣ были уже заняты; но полевыя укрѣпленія не были еще вездѣ докончены, особенно на лѣвомъ флангѣ всего болѣе угрожаемомъ, и который, по этому самому, какъ всегда дѣлалось, былъ порученъ

князю Багратіону. Тамъ и дислокація войскъ не была еще кончена. Затихшій сначала гулъ пушечныхъ выстрѣловъ къ вечеру возобновился въ отдѣльныхъ звукахъ, и вслѣдъ затѣмъ можно было уже различать дробные перекаты ружейной пальбы и дымные клубы. Вскорѣ непріятель былъ почти передъ нами, направляясь къ Шевардинскому редуту, котораго оборона была поручена князю Горчакову; у него были дивизіи Невѣровскаго и Паскевича. Бой подъ Шевардиномъ, происходившій уже въ виду нашей позиціи, былъ вызванъ тѣмъ, что непріятель, замѣтивъ наши передвиженія, хотѣлъ имъ воспрепятствовать. Этотъ бой принялъ значительные размѣры; у насъ не ожидали столь скораго напора французской арміи. Надобно было отстаивать редутъ, пока диспозиція нашего лѣваго фланга, у деревни Семеновской, будетъ приведена къ окончанію. Редутъ, нѣсколько разъ штурмованный французами и отбиваемый, былъ отданъ французамъ только съ наступившею темною ночью. Уронъ съ обѣихъ сторонъ былъ значительный, мы обмѣнялись съ непріятелемъ нѣсколькими пушками. Нельзя не пожалѣть, что редутъ былъ защищаемъ болѣе чѣмъ это требовалось, ибо онъ сдѣлался уже, какъ сказалъ Ермоловъ, совершенно для насъ безполезнымъ послѣ измѣненія нашей позиціи и послѣ того какъ дислокація войскъ на лѣвомъ флангѣ была приведена къ окончанію, и такъ же потому, что онъ находился отъ насъ далѣе пушечнаго выстрѣла. Редутъ не былъ взятъ и остался за нами, но главнокомандующій велѣлъ его покинуть. Послѣ этого кроваваго вечера, огни бивуаковъ показали намъ на противуположной сторонѣ длинный рядъ прибывшихъ французскихъ полчищъ.

Я пробирался въ этотъ вечеръ въ батарейную роту графа Аракчеева, которою командовалъ полковникъ Романъ Максимовичъ Таубе. Онъ былъ ко мнѣ особенно добръ, и я, думая, что мы уже находились наканунѣ битвы, несъ ему подарокъ: онъ замѣтилъ у меня отличную булатную саблю, которую мнѣ подарилъ мой отецъ вмѣстѣ съ ятаганомъ, полученные имъ отъ генерала-отъ-инфантеріи князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына изъ отбитыхъ у турокъ подъ Мачинымъ. Таубе давно упрашивалъ меня уступить ему саблю, говоря: «Ты, мой другъ, командуешь двумя орудіями, а у меня ихъ всѣхъ двѣнадцать; я верхомъ, а ты пѣшій; ты можешь и со шпаженкой управиться, да къ тому же у тебя ятаганъ». Таубе, израненный ветеранъ, украшенный уже георгіевскимъ крестомъ за Прусскую кампанію, очень былъ тронутъ моимъ подаркомъ. Тутъ собрались за чаемъ всѣ офицеры батареи. Нельзя не вспомнить одного обстоятельства: кажется, Глуховъ, обратясь къ Павлову, который былъ землякъ, сказалъ: «А что, любезный другъ, если насъ завтра ранятъ, а не убьютъ, то мы отдохнемъ въ деревнѣ твоей матушки?» «Такъ, мой любезный», отвѣчалъ Павловъ, «ты можетъ быть отдохнешь тамъ, а я здѣсь!» Такъ и случилось. Когда я прощался съ ними, при неумолкаемыхъ выстрѣлахъ у Шевардина— съ послѣднимъ на вѣки—Таубе вынулъ часы и сказалъ мнѣ: «Не знаю чьи часы лучше, твои или мои; но я хочу съ тобою обмѣняться, чтобы ты имѣлъ у себя память обо мнѣ — только я не могу разстаться съ цѣпочкой». Надобно сказать, что у него на этой цѣпочкѣ висѣла обдѣланная въ золотую печать вынутая изъ его тѣла фридланская пуля; отцѣпляя свою цѣпочку, онъ прибавилъ: «я никогда не выходилъ цѣлъ изъ дѣла».

Обмѣнявшись часами и нѣжно обнявшись съ нимъ и съ другими моими товарищами, я возвратился въ на свои бивуаки во 2-ю легкую роту. Я нашелъ у насъ въ гостяхъ капитана Вельяминова и штабсъ-капитана Ладыгина, которые только что возвратились со Столыпинымъ изъ подъ Шевардина. Они были въ стрѣлковой цѣпи и разсказывали про ловкость французскихъ стрѣлковъ, которые перестрѣливаясь, находились въ безпрестанномъ движеніи, не представляя собою цѣли непріятелю. Ладыгинъ, Столыпинъ и Таубе были моими пѣстунами.

Прочитавъ живыя и увлекательныя страницы генерала Ратча о дѣйствіяхъ нашей гвардейской артиллеріи, я беру у него приведенный имъ совѣтъ Фридриха Великаго: «aimez les détails» *), будучи увѣренъ, что меня не упрекнутъ за то, что я, при разборѣ романа графа Толстаго, увлекся въ лишнія подробности, невольно пробудившіяся во мнѣ при воспоминаніи о славныхъ дняхъ нашей арміи.

Вопреки моимъ ожиданіямъ, слѣдующій день 25 августа прошелъ миролюбиво для обѣихъ армій; но насъ придвинули еще ближе къ боевой линіи. Хотя мы составляли третью линію, однако мы знали, что уже находимся подъ выстрѣлами.

Глубоко-трогательное зрѣлище происходило въ этотъ день, когда образъ Смоленской Божіей Матери, при церковномъ шествіи и съ молебнымъ пѣніемъ, былъ обносимъ по рядамъ арміи въ сопровожденіи нѣсколькихъ взводовъ пѣхоты, съ киверами въ рукахъ и съ ружьями на молитву. Теплое религіозное чувство привело въ

---

*) Любите подробности.

движеніе все войско; толпы солдатъ и ратниковъ повергались на землю и безпрестанно преграждали торжественное шествіе; всѣ желали хотя коснуться иконы; съ жадностію прислушивались къ молебному пѣнію, которое для многихъ изъ нихъ дѣлалось панихидою,— они это знали и на многихъ ратникахъ, у которыхъ на шапкахъ сіяли кресты, были надѣты бѣлыя рубашки. Вся наша армія походила тогда на армію крестоносцевъ и конечно, наши противники были не лучше мусульманъ: тѣ призывали Алаха, а у французовъ имя Божіе едвали было у кого на устахъ. Кутузовъ помолился предъ иконою и объѣхалъ всю армію, громко привѣтствуемый ею.

Я былъ посланъ въ этотъ день для ознакомленія съ мѣстностію нашихъ парковъ и ординарцевъ для принятія приказаній начальника всей артиллеріи, графа Кутайсова. Вотъ что велѣлъ онъ мнѣ уже вечеромъ передать моимъ товарищамъ: «Подтвердите отъ меня во всѣхъ ротахъ, чтобъ онѣ съ позицій не снимались, пока непріятель не сядетъ верхомъ на пушки; сказать командирамъ и всѣмъ г.г. офицерамъ, что, только отважно держась на самомъ близкомъ картечномъ выстрѣлѣ, можно достигнуть того, чтобы непріятелю не уступить ни шагу нашей позиціи; артиллерія должна жертвовать собою. Пусть возьмутъ васъ съ орудіями, но послѣдній картечный выстрѣлъ выпустите въ упоръ. Если бъ за всѣмъ этимъ батарея была и взята, хотя можно почти поручиться въ противномъ, то она уже вполнѣ искупила потерю орудій». Эти знаменательныя слова графа Кутайсова сдѣлались его духовнымъ завѣщаніемъ артиллеріи, и, конечно, его приказанія были на слѣдующій день буквально исполнены.

Мы поздно полегли спать не раздѣваясь, не помышляя, что нѣсколько сотъ жерлъ непріятельскихъ орудій смотрятъ уже на насъ съ противной стороны, ожидая разсвѣта. Ночь была свѣжая и ясная. Самый крѣпкій и пріятный сонъ нашъ на зарѣ былъ внезапно прерванъ ружейными перекатами: это была атака на гвардейскихъ егерей въ Бородинѣ, и почти вслѣдъ за тѣмъ заревѣла артиллерія и слилась въ одинъ громовой гулъ. «Становись!» раздалось по рядамъ... Быстро припряжены было лошади къ орудіямъ и заряднымъ ящикамъ. Нѣсколько ядеръ съ визгомъ шмыгнуло уже мимо насъ; не смотря на то, чайникъ кипѣлъ, и намъ, уже стоявшимъ въ строю поднесли нѣсколько стакановъ чаю съ ржаными сухарями. Солдаты тоже что-то закусывали, а стоявшій возлѣ меня бомбандиръ наливалъ въ крышку своей манерки обычную порцію водки; увидавъ, что я на него смотрю, онъ сказалъ: «извините, ваше благородіе, день дологъ, и, конечно, до ночи мы ничего не перекусимъ».

Къ намъ примыкалъ Преображенскій полкъ; нѣсколько офицеровъ этого полка собрались вмѣстѣ съ нами впереди нашей батареи, разсуждая о начавшейся битвѣ. Свистъ ядеръ учащался и мы, т. е. новички, отвѣсили имъ нѣсколько поклоновъ, чему подражали и нѣкоторые солдаты; но видя, что учтивость наша ни къ чему не ведетъ и получивъ замѣчаніе старыхъ бойцовъ не кланяться, сдѣлались уже горды. Разговоры наши замѣтно были серьезны; всякій чувствовалъ, что онъ стоитъ на рубежѣ вѣчности. Я замѣтилъ, что даже наши ретивые кони, которые сначала, при свистѣ ядеръ, ржали и рвались, вскорѣ сдѣлались смирны какъ ягнята. Завидя медленно катящееся къ намъ ядро, я раз-

сѣянно хотѣлъ его толкнуть ногой, какъ вдругъ кто-то порывисто отдернулъ меня назадъ: это былъ капитанъ Преображенскаго полка графъ Полиньякъ, мой петербургскій знакомецъ: «Что вы это дѣлаете»? воскликнулъ онъ, «какъ же это вы артилеристъ, забываете что даже такія ядра, по закону вращенія около своей оси, не теряютъ своей силы; оно могло оторвать вамъ ногу!» Я нѣжно поблагодарилъ его за урокъ. Преображенцы вскорѣ насъ оставили; у нихъ уже начались нѣкоторыя кровавыя сцены. Мы узнали, что полковникъ Баранцевъ, который часто утѣшалъ насъ своею гитарою, наигрывая своего сочиненія романсъ:

Дѣвицы, если не хотите,
Подвергуться любви бѣдамъ
. . . .

бывшій тогда въ большомъ ходу, объѣзжая свой баталіонъ, былъ перерванъ ядромъ. Мы размѣстились по орудіямъ. Первою жертвою въ моемъ взводѣ (я командовалъ 11 и 12 орудіями) была ящичная лошадь. Медленно текли часы особенно при свистѣ ядеръ; я прилегъ на свое фланговое 12-е орудіе, какъ вдругъ хлопнуло ядро въ стоявщій ящикъ, который затрещалъ, и шарахнулись было лошади. «Граната»! сказалъ кто-то и люди раздвинулись. Я былъ уже на ногахъ: «Эхъ, братцы, если бы это была граната...» Одинъ изъ бомбардировъ не далъ мнѣ даже договорить и, опередивъ меня, смѣло подбѣжалъ къ ящику: «Господи благослови», сказалъ онъ и быстро вскрылъ крышку ящика: ...«холодное ядро, ваше благородіе!.. повредило сверху гнѣзда... да и засѣло»... говорилъ онъ, перерываясь. Я потрепалъ его по плечу. Когда стоишь безъ дѣла, каждое пустое обстоятельство

обращаетъ на себя вниманіе. Въ самое это время бѣжала на батарею разнузданная отличныхъ статей лошадь. «Позвольте перехватить, ваше благородіе, для ящика», сказалъ кто-то; но лошадь сама приближалась; находка была не велика: у бѣдной лошади сорвана была оконечность морды, и кровь капала съ нея. Остановясь возлѣ лошадей, она жалостно глядѣла на насъ, какъ бы прося о помощи.

Никто еще изъ людей моего взвода не былъ тронутъ; не знаю, что происходило у другихъ: мы заняли широкія дистанціи, чтобъ давать менѣе добычи непріятельскимъ ядрамъ, и каждый у себя хозяйничалъ.

Пока у насъ происходили подобныя бездѣлки, бой кипѣлъ уже во всемъ разгарѣ противъ насъ въ центрѣ, а еще болѣе на лѣвомъ флангѣ; но клубы и занавѣсы дыма, изъ-за котораго сверкали пушечные огни или чернѣли колонны, какъ пятна на солнцѣ, закрывали отъ насъ все. А что можетъ видѣть фронтовой офицеръ, кромѣ того, что у него дѣлается на глазахъ? Первая изъ ротъ гвардейская артиллерія, которую двинули изъ нашей 3 линіи въ дѣло, была батарейная рота графа Аракчеева, которою командовалъ мой другъ баронъ Таубе. Вотъ что тогда дѣлалось:

На пространствѣ не болѣе двухъ верстъ отъ Горокъ до Семеновскаго, подъ покровительствомъ 300 орудій, наваливала французская армія одновременно на всю нашу линію, но примѣтно стягиваясь на нашъ лѣвый флангъ, который былъ предметомъ всѣхъ усилій непріятеля. Самый сильный ударъ обрушился на князя Багратіона, на его дивизіи графа Воронцова и Невѣровскаго. Весь корпусъ маршала Даву, потомъ корпусъ маршала Нея и Жюно, подкрѣпляемые артиллеріею,

сверхъ тѣхъ орудій, которыя были на позиціи, рвались отчаяно овладѣть флешами. Въ это время 1-я легкая батарей гвардейской конной артиллеріи капитана Захарова, завидя выходящій изъ за Утицкаго лѣса корпусъ маршала Жюно, быстро понеслась на него. Вся голова непріятельской колонны была въ полномъ смыслѣ положена на мѣстѣ подъ его картечными выстрѣлами, чѣмъ онъ и далъ случай нашимь кирасирамъ произвести блестящую атаку и отбить нѣсколько орудій. Храбрый Захаровъ былъ убитъ. Безпрестанно подкрѣпляемые французы ворвались наконецъ въ одну изъ флешей, но не могли въ ней удержаться и были выбиты штыками Воронцова и Невѣровскаго. Ней и Жюно отчаянно возобновили атаку и завладѣли флешами. Въ этотъ критическій моментъ, Барклай, который вездѣ присутствовалъ, гдѣ была наибольшая опасность, выслалъ къ Багратіону три полка 1-й кирасирской дивизіи и полки Измаиловскій и Литовскій и двѣ батарейныя роты гвардейской артиллеріи его Высочества и графа Аракчеева, а князь Багратіонъ прежде того успѣлъ призвать къ себѣ изъ корпуса Тучкова дивизію Коновницына и самъ двинулся атаковать. Флеши были отбиты; но тутъ легли, совершивъ геройскіе подвиги: князь Кантакузенъ, полковники Манахтинъ и Буксгевденъ, генералъ-маіоръ Тучковъ 4-й со знаменемъ въ рукѣ, впереди Ревельскаго полка, и ранены: графъ Воронцовъ, котораго почти вся дивизія погреблась во флешахъ, князь Горчаковъ и принцъ Карлъ Мекленбургскій; у французовъ три дивизіонные начальника, Компанъ, Дезе и Раппъ выбыли изъ строя. Въ это время Ней послалъ къ Наполеону сказать, что теперь уже не онъ, а Багратіонъ его атакуетъ и что нельзя

терять ни минуты. Жертвы, понесенныя французами при первыхъ атакахъ нашего лѣваго фланга, были уже такъ огромны, и число убитыхъ лучшихъ ихъ генераловъ такъ велико, что весь воинственный генiй Наполеона въ этотъ день ему совершенно измѣнилъ: онъ не зналъ на что рѣшиться, совѣтывался съ Бертье, давалъ приказанiя и отмѣнялъ, говорилъ, что битва еще не довольно обрисовалась, что шахматная доска его еще не ясна, тогда какъ судьба битвы была почти уже рѣшена. Дивизiя Фрiана, подоспѣвшая, хотя уже поздно, на помощь Нею, значительно его подкрѣпила; онъ отчаянно пошелъ въ третiй разъ на флеши Багратiона (который въ это время былъ раненъ, а вслѣдъ за нимъ и начальникъ его штаба, графъ Сен-При) и послѣ жестокихъ потерь съ обѣихъ сторонъ овладѣлъ ими. Но какъ велико было удивленiе непрiятеля, когда армiя русскихъ, окровавленная, но въ наилучшемъ порядкѣ, перешла только оврагъ, отдѣлявшiй Семеновскiя флеши отъ холмистой площади, за ними находящейся, подъ прикрытiемъ грозно выстроившихся нашихъ батарей, громившихъ взятую французами Семеновскую высоту, и дерзко вызывала его на новый бой. Дохтуровъ, принявшiй команду Багратiона, заявивъ, что онъ не отойдетъ отсюда ни на шагъ, сошелъ съ лошади, подъ ужаснымъ огнемъ сѣлъ спокойно на барабанъ и сталъ распоряжаться отраженiями и атаками. Онъ сдержалъ свое слово. «C'est ainsi, que la partie la plus importante du plan de Napoléon échouait» *), пишетъ Сегюръ. Здѣсь положенъ былъ конецъ успѣхамъ французовъ.

Во все это время наша 2 легкая рота все еще стояла, сложа руки подъ визгомъ ядеръ и съ завистiю

---

*) Такимъ образомъ важнѣйшая часть плана Наполеонова рушилась.

смотрѣла, когда проходила мимо насъ въ бой батарейная рота графа Аракчеева; я подбѣжалъ къ Таубе, онъ протянулъ мнѣ руку съ висящею на ней моею саблею. Черезъ часъ времени прослѣдовалъ возлѣ моего флангового 12-го орудія гвардейскій Финляндскій полкъ, шедшій также въ бой, и я встрѣтилъ тутъ поручика князя Ухтомскаго, моего двоюроднаго брата; мы обнялись съ нимъ и только что его взводъ миновалъ меня, какъ упалъ къ моимъ ногамъ одинъ изъ его егерей. Съ ужасомъ увидѣлъ я, что у него сорвано все лицо и лобная кость, и онъ въ конвульсіяхъ хватался за головной мозгъ. «Не прикажете ли приколоть?» сказалъ мнѣ стоявшій возлѣ меня бомбардиръ. — «Вынесите его въ кустарникъ, ребята», отвѣчалъ я.

Вскорѣ болѣе грустная картина представилась мнѣ: приближалась къ намъ небольшая группа, поддерживая полунесомаго, но касавшагося одною ногою земли, генерала... И кто же былъ это? тотъ, которымъ до селѣ почти сверхъ-естественно, держался нашъ лѣвый флангъ — Багратіонъ!.. А мы все еще съ орудіями на передкахъ стояли, сложа руки! Трудно выразить грусть, поразившую насъ всѣхъ. Мы узнали кое-что о происходившемъ отъ прошедшаго мимо насъ на перевязочный пунктъ, съ окровавленною головою, нашего товарища подпоручика Сумарокова, роты Его Величества; онъ едва могъ идти отъ потери крови.

Наконецъ дошла очередь и до насъ.

Замѣтивъ, что когда мы вступили въ дѣло (насъ потребовали на лѣвый флангъ) — это было уже гораздо за полдень; почти всѣ главные фазисы битвы уже развернулись, но, не смотря на то, положеніе нашей 3 линіи не измѣнилось: никакой суматохи, никакого безпорядка

не было тогда замѣчено; параллельная намъ вторая наша линія хотя иногда и просвѣчивалась, но нигдѣ не была прорвана. Мы стояли какъ бы на маневрахъ за исключеніемъ только того, что ядра вырывали тогда у насъ нѣсколько болѣе жертвъ, чѣмъ въ началѣ.

Въ то самое время какъ мы шли на лѣвый флангъ, жестокая борьба происходила на центральной батареѣ, которую мы, артиллеристы, называли по имени батарейнаго командира Шульмановою, а въ реляціяхъ она названа именемъ Раевскаго, корпусъ котораго оборонялъ ее. Съ самаго начала битвы, когда французы, пользуясь туманомъ, напали врасплохъ на нашихъ гвардейскихъ егерей, временно вытѣснили ихъ изъ Бородина и потомъ были опрокинуты въ разстройствѣ ими же, подкрѣпленными егерями храбрыхъ полковниковъ Карпенки и Вуича. Съ самого этого времени центральная наша батарея была предметомъ усиленныхъ атакъ непріятеля, направленныхъ подъ командою вице-короля Евгенія. Эта батарея, защищаемая дивизіями Паскевича и Васильчикова, съ самаго утра истребляла ряды непріятеля, который, наконецъ, съ помощью усиленнаго огня своей артиллеріи—тогда какъ въ нашей батареѣ оказался уже недостатокъ въ зарядахъ—успѣлъ ворваться въ редутъ съ бригадою генерала Бонами. Въ это время Ермоловъ, посланный Кутузовымъ на лѣвый флангъ, находившійся въ самомъ трудномъ положеніи послѣ отбытія пораженнаго князя Багратіона, встрѣтилъ на пути своемъ двѣ роты Конной Артиллеріи Никитина и повелъ ихъ на лѣвый флангъ; тутъ же встрѣтился съ нимъ его Эйлаусскій товарищъ, начальникъ артиллеріи, пламенный графъ Кутайсовъ, который присоединился къ нему. Поровнявшись съ центральною батареею, они

съ ужасомъ увидѣли штурмъ и взятіе батарей непріятелями; оба бросились въ ряды отступающихъ въ безпорядкѣ полковъ, остановили ихъ, развернули батареи Конной Артиллеріи, направя картечный огонь на торжествующаго непріятеля и, ставъ во главѣ батальона Уфимскаго полка, повели ихъ въ атаку прямо на взятую французами батарею, между тѣмъ какъ Паскевичъ съ одной стороны, а Васильчиковъ съ другой, ударили въ штыки. Непріятель былъ вездѣ опрокинутъ и даже преслѣдуемъ, центральная батарея опять перешла въ наши руки, уже съ штурмовавшимъ ее французскимъ генераломъ Бонами, взятымъ въ плѣнъ, и опять начала громить бѣгущаго непріятеля, который понесъ при этомъ случаѣ огромную потерю. Но съ этимъ торжествомъ связана великая потеря для всей нашей арміи. Въ это время былъ убитъ нашъ геніальный артиллерійскій генералъ графъ Кутайсовъ. Въ кровавой схваткѣ никто не видалъ какъ онъ, вѣроятно, былъ сорванъ ядромъ съ своей лошади, которая прибѣжала съ окровавленнымъ сѣдокомъ въ свои ряды, и даже трупъ его не былъ найденъ! И этотъ самый пламенный Кутайсовъ, лишь нѣсколько часовъ тому назадъ, съ необыкновеннымъ оживленіемъ передавалъ мнѣ вышеприведенныя его заповѣдныя слова артиллеріи, которая въ этотъ день ихъ выполнила при немъ и продолжала выполнять, не зная, что его ужъ нѣтъ съ нами... Замѣчательно, что та именно центральная батарея, возлѣ которой Кутайсовъ былъ убитъ, не переставала дѣйствовать, доколѣ непріятель не сѣлъ верхомъ на ея пушки; но онѣ тутъ же были опять выручены, выкупивъ вполнѣ временную свою потерю устланными вокругъ непріятельскими трупами. Весьма справедливо сказалъ Данилевскій, что смерть

Кутайсова имѣла важныя послѣдствія на весь ходъ сраженія, лишивъ 1-ю армію начальника артиллеріи въ таковой битвѣ, гдѣ преимущественно дѣйствовали орудія, и что неизвѣстность сдѣланныхъ Кутайсовымъ распоряженій произвела то, что многія роты, растрѣлявъ заряды, не знали откуда ихъ пополнить. И надобно прибавить, что многія роты простояли безъ дѣла, а другія были довольно поздно употреблены. Послѣднее и мы испытали.

Графъ Толстой въ своемъ романѣ, гдѣ онъ, въ главахъ 33—35, прекрасно и вѣрно изобразилъ общіе фазисы Бородинской битвы, позволилъ себѣ прежде того слѣдующимъ образомъ выразиться о подвигѣ Ермолова: «Это была та атака, которую себѣ приписывалъ Ермоловъ, говоря, что только его храбрости и счастію возможно было сдѣлать этотъ подвигъ—и атака, въ которой онъ будто бы кидалъ на курганъ георгіевскіе кресты, бывшіе у него въ карманѣ». Мы считаемъ даже неумѣстнымъ возражать на таковое нареканіе: подвигу Ермолова была свидѣтелемъ армія. Приглашаемъ однако автора прочесть, по этому предмету, подлинную реляцію Барклая. Мой бывшій товарищъ, поручикъ Глуховъ, былъ раненъ и возвращался съ перевязочнаго пункта въ своей батареѣ; въ самое это время Ермоловъ завладѣлъ имъ, заставилъ его приводить въ порядокъ людей Перновскаго полка, и, соединивъ ихъ съ Уфимскимъ баталіономъ, пошелъ вмѣстѣ съ ними на штыки. Тутъ Глуховъ былъ вторично раненъ и вторично былъ отправленъ на перевязочный пунктъ *). Авторъ романа предпочелъ заняться г. Безуховымъ и разсказать намъ, какъ

*) «Артилерійскій Журналъ» 1861 годъ, октябрь. Публичныя лекціи, читанныя гвардейскимъ артиллерійскимъ генераломъ Ратчемъ, стр. 823. Этотъ прекрасный трудъ многое мнѣ напомнилъ и разъяснилъ.

этотъ баринъ схватился за шиворотъ съ французомъ... И подлинно, у него героемъ Бородина выставленъ графъ Безуховъ.

Не знаю, по чьимъ распоряженіямъ насъ повели въ дѣло, но я видѣлъ подскакавшаго къ командиру нашей 2-й роты, капитану Гогелю, офицера генеральнаго штаба, за которымъ мы и послѣдовали по направленію къ лѣвому флангу. Это было единственное приказаніе, которое мы получили и впослѣдствіи дѣйствовали уже какъ знали и умѣли. Это былъ тотъ моментъ, когда, по взятіи непріятелемъ Семеновскихъ флешей, наша боевая линія, командуемая Дохтуровымъ и Коновницынымъ, подъ покровительствомъ нашей артиллеріи выстраивалась вдоль оврага между Семеновскою и противулежащею платформою. И наша батарея была выдвинута для той же цѣли. Дѣйствіе изнеможенной отъ непереставашей борьбы пѣхоты, какъ нашей, такъ и французской, на время прекратилось, и начался жестокій артилерійскій поединокъ. Нѣсколько правѣе отъ насъ дѣйствовала небольшая батарея; мы узнали впослѣдствіи, что это былъ остатокъ нашей гвардейской 1-й Легкой роты, которая уже давно боролась возлѣ Измайловскаго полка; ею командовалъ штабсъ-капитанъ Ладыгинъ, замѣнившій раненаго ротнаго командира Вельяминова; она уже готовилась сняться съ позиціи отъ огромной потери въ людяхъ и лошадяхъ, отъ растраты всѣхъ зарядовъ и по причинѣ подбитыхъ орудій. И дѣйствительно, она скоро снялась, но возвратилась въ бой къ вечеру съ половиннымъ числомъ орудій и людей. Изъ ея семи офицеровъ уцѣлѣлъ только одинъ Ладыгинъ; у прапорщика Ковалевскаго оторвало обѣ ноги, а у Рюля одну. Къ лѣвому флангу нашей батареи, не по-

далеку отъ меня, примыкалъ Кирасирскій полкъ Его Величества. Мѣсто, на которое мы попали, было не завидное; непріятель вѣроятно замѣтилъ подошедшую нашу свѣжую батарею и принялся насъ угощать; но за то и мы его не щадили, и можемъ смѣло сказать, что дѣйствіе нашей артиллеріи было для него губительнѣе, чѣмъ для насъ *). Мы безпрестанно замѣчали взрывы его ящиковъ: «Это нашимъ единорогомъ», говорилъ то одинъ, то другой изъ моихъ артиллеристовъ. Мой сосѣдъ, подпоручикъ Рославлевъ, командовавшій 9 и 10 орудіями, у котораго безпрестанно вырывало то человѣка, то лошадь, принужденъ былъ измѣнить позицію, пододвинувшись впередъ и прикрывъ нижнюю часть орудій находившимся передъ нимъ бугоркомъ. Наши солдаты были гораздо веселѣе подъ этимъ сильнымъ огнемъ, чѣмъ въ резервѣ, гдѣ насъ даромъ било. Я постоянно самъ наводилъ 12-е орудіе. Въ одинъ моментъ, когда, бомбардиръ Курочкинъ посылалъ зарядъ, непріятельское ядро ударило ему въ самую кисть руки. «Эхъ, рученька моя, рученька»! вскликнулъ онъ, замахавши ею, а стоявшій съ банникомъ, поднимая упавшій зарядъ и посылая его въ дуло, обрызганное кровью, которое онъ обтеръ своимъ рукавомъ: «Жаль твою рученьку— отвѣтилъ онъ—а вонъ, посмотри-ка, Усова-то и совсѣмъ повалило, да онъ и то ничего не говоритъ». Я обернулся и увидѣлъ бѣднаго Усова, лежащаго у хобота: онъ былъ убитъ вѣроятно тѣмъ же ядромъ, которое оторвало руку у Курочкина. Жаль мнѣ, что я забылъ имя бомбардира, вызвавшаго, несмотря на трагическій поводъ къ тому, улыбку солдатъ. Командованіе нашею батареею скоро перешло къ штабсъ-капитану Столы-

*) Chambray.

пину; непріятельская граната сильно оконтузила капитана Гогеля, убивъ подъ нимъ лошадь. Насъ прикрывалъ Кирасирскій Его Величества полкъ; стоявши на флангѣ, я не могъ не замѣтить опустошенія, которое дѣлали непріятельскія ядра въ рядахъ этого прекраснаго полка. Ко мнѣ подъѣхалъ оттуда одинъ ротмистръ; его лошадь упрямилась перешагнуть черезъ тѣло недавно рухнувшаго съ своего коня дюжаго малоросса, сбитаго ядромъ прямо въ грудь; онъ молодецки лежалъ съ размахнутой рукой и отброшеннымъ своимъ палашемъ. «Такъ ли же бьетъ у васъ?» спросилъ меня ротмистръ. «Порядочно», отвѣчалъ я; «да только мы дѣлаемъ дѣло, а больно глядѣть на васъ—зачѣмъ вы не спуститесь нѣсколько пониже назадъ, по этому склону? вы всегда успѣете намъ помочь, еслибъ наскакала на насъ кавалерія». «Правда ваша», сказалъ онъ, сдерживая свою лошадь, которая мялась и пятилась отъ нашихъ громовыхъ выстрѣловъ, и, кажется, онъ передалъ это своему полковому командиру, потому что вскорѣ полкъ отодвинулся отъ насъ.

Линія на лѣвомъ флангѣ, нѣсколько ослабленная лѣсомъ, огибала его и показывала намъ, что за этимъ лѣсомъ идетъ не маловажная борьба. Тамъ пролегала старая Смоленская дорога. Само собою разумѣется, что Наполеонъ не выпустилъ изъ виду возможности обойти нашъ лѣвый флангъ, и мы туда часто поглядывали; но тамъ стоялъ корпусъ Тучкова, и всѣ усилія Понятовскаго разбились объ эту преграду. Хотя Тучковъ долго оставался съ одною только дивизіею, будучи принужденъ уступить другую на помощь князю Багратіону и началъ ослабѣвать передъ напоромъ Понятовскаго, но Кутузовъ подкрѣпилъ его дивизіею Олсу-

фьева изъ корпуса Багговута. Тучковъ принудилъ Понятовскаго отступить *), но самъ былъ смертельно раненъ и Баггавутъ заступилъ его мѣсто. Наполеонъ, узнавъ о неуспѣхѣ Понятовскаго, сильно опасался въ продолженіе всей битвы, чтобы Тучковъ, освободясь отъ Понятовскаго, не зашелъ въ тылъ Нею и Мюрату.

Мы были въ одно время весьма непріятно удивлены нѣсколькими продольными непріятельскими выстрѣлами съ правой стороны нашей батареи. Причина тому была перегнувшаяся линія нашего лѣваго фланга, по взятіи французами Семеновскихъ флешей, такъ что огонь французскихъ батарей, направленный на нашу центральную батарею, названною Раевскою, бывшую предметомъ возобновлявшихся усилій непріятеля овладѣть ею, началъ досягать до насъ; мы подвинулись поэтому впередъ; но вскорѣ увидѣли передъ собою ряды непріятельской кавалеріи. Эта была кавалерія Латуръ-Мобура. Наполеонъ, временно утѣшенный взятіемъ Семеновскихъ флешей, направилъ въ то время Мюрата съ кавалерійскими корпусами Нансути и Латуръ-Мобура порѣшить съ нами, и съ Шевардинскаго редута съ оживленіемъ восклицалъ: «ils y vont, ils y vont!» **). Эта тяжелая туча, грозившая разгромомъ, разбилась о штыки кареевъ нашихъ гвардейскихъ полковъ Измайловскаго и Литовскаго, и была потомъ разгромлена нашими гвардейскими батареями Его Высочества и графа Аракчеева, и отчасти 1-ю Легкою ротою. Наполеонъ мечталъ тогда конечно о Маренго и о Келлерманѣ,

---

*) Ségur. I. 401 «On lui annonce (à Napoléon) que le corps polonais revient, sans avoir pu éxecuter son mouvement». Ему докладываютъ (Наполеону), что польскій корпусъ возвращается не будучи въ состояніи привести въ исполненіе своего движенія *).

**) Они идутъ туда, они идутъ туда!

но онъ имѣлъ дѣло не съ австрійцами, и скоро послѣдовало разочарованіе: большая часть знаменитой его кавалеріи полегла на этомъ мѣстѣ и не могла уже потомъ поправиться. Кавалерійская атака была повторена и нашла ту же участь. Явившаяся теперь передъ нами кавалерія предприняла третью попытку; отброшенная опять кареями нашихъ гвардейскихъ полковъ, она обернула на насъ *), и заслонивъ собою дѣйствіе своей артиллеріи, дала возможность нашей батареи нѣсколько вздохнуть и оправиться. Тогда Кирасирскій Его Величества полкъ двинулся для удержанія атаки. Нашъ батарейный командиръ Столыпинъ, увидѣвъ движеніе кирасировъ, взялъ на передки, рысью выѣхалъ нѣсколько впередъ и, перемѣнивъ фронтъ, ожидалъ приближеніе непріятеля безъ выстрѣла. Орудія были заряжены картечью. Цѣль Столыпина состояла въ томъ, чтобы подпустить непріятеля на близкое разстояніе, сильнымъ огнемъ разстроить противника и тѣмъ подготовить вѣрный успѣхъ нашимъ кирасирамъ. Непріятель смѣло шелъ малою рысью прямо на грозно ожидавшую его батарею; но въ то время, когда непріятельская кавалерія была не далѣе 150 саженей отъ батареи, на которой уже наносились пальники, кавалерія эта развернулась на двѣ стороны и показала скрытую за нею легкую батарею, снявшуюся уже съ передковъ. Одновременно съ обѣихъ сторонъ разразились выстрѣлы. Неминуемая сумятица не могла не произойти временно на батареѣ при столь близкой посылки картечи: нѣсколько людей и лошадей выбыло изъ строя; но, имѣя дѣло

*) За симъ я выписываю вѣрный разсказъ генерала Ратча о дѣйствіи нашей батареи, писанный по донесеніямъ, и частію со словъ очевидцевъ. «Артилерійскій Журналъ» 1861 годъ, октябрь.

съ кавалеріею, у насъ уже были приготовлены картузы для слѣдующаго выстрѣла, и я успѣлъ еще послать картечь изъ моего флангового орудія. Это былъ мой послѣдній салютъ непріятелю... я вдругъ почувствовалъ электрическое сотрясеніе, упалъ возлѣ орудія и увидѣлъ, что моя лѣвая нога раздроблена въ дребезги... Я еще видѣлъ какъ наши кирасиры, бывшіе дотолѣ бездѣйствующими зрителями, понеслись въ атаку. Положеніе непріятельской батареи конечно было хуже нашей; выстрѣломъ одного изъ нашихъ единороговъ, заряженнаго гранатою, взорванъ былъ тамъ зарядный ящикъ; въ густомъ облакѣ дыма нельзя было различить, что тамъ происходило. Этимъ былъ прекращенъ артиллерійскій поединокъ. Отвѣтныхъ выстрѣловъ съ непріятельской батареи уже не было. Наша кавалерія, такъ я впослѣдствіи узналъ, смяла непріятельскую и отбила изъ ея шести орудій, два. Въ то же время мой товарищъ, подпоручикъ Ваксмутъ, былъ раненъ картечною пулею, которая засѣла у него подъ правою лопаткою. Рана Ваксмута была наскоро перевязана солдатами, и онъ до конца дѣла оставался на батареѣ; а подъ Столыпинымъ убита его лихая горская лошадь.

Я былъ уже подъ ножемъ почетнаго штабъ-доктора Измайловскаго полка Каменецкаго, на перевязочномъ пунктѣ, когда происходила опять ужасная рѣзня на центральной батареѣ Раевскаго. Но я остановлюсь на время, чтобы сказать нѣсколько словъ о духѣ, который тогда оживлялъ нашихъ солдатъ. Мой добрый другъ и тогда начальникъ, Аѳанасій Столыпинъ, которому я послалъ сказать, что фланговыя орудія остаются безъ офицера, подъѣхалъ ко мнѣ, и, погоревавъ надо мною, послалъ отыскивать ратниковъ; но ихъ вблизи не на-

шлось. Меня понесли на шинели; мы встрѣтили подбитое орудіе, влекомое на раненыхъ хромыхъ лошадяхъ, и меня кое какъ уложили на него; при мнѣ остался поддерживавшій меня бомбардиръ Козловъ. Медленно подвигались мы, провожаемые ядрами; наконецъ достигли желаемаго мѣста возлѣ какого-то сарая, передъ которымъ вся лужайка была занята сидѣвшими и лежавшими ранеными, терпѣливо ожидавшими, когда дойдетъ до нихъ очередь.

Доктора, съ засученными рукавами, выпачканные кровью, подбѣгали то къ одному, то къ другому; кучи отрѣзанныхъ членовъ лежали въ разныхъ мѣстахъ; меня положили передъ Каменецкимъ, который тогда отнималъ руку у гренадера, сидѣвшаго на камнѣ. Я обернулся къ Козлову: «Останься, мой другъ, при мнѣ, пока прибудутъ изъ обоза мои люди». «Я попрошу, ваше благородіе»—отвѣчалъ онъ — «чтобы здѣсь покамѣстъ васъ поберегли, а мнѣ позвольте вернуться на батарею: людей много бьетъ, всякій человѣкъ теперь тамъ нуженъ».—«Христосъ съ тобою, мой другъ»—сказалъ я ему—«если я останусь живъ, ты не останешься безъ награды». И онъ получилъ георгіевскій крестъ.

Въ это время мой товарищъ, прапорщикъ Дивовъ, находившійся при графѣ Кутайсовѣ, и посланный имъ съ какими-то приказаніями, услышалъ отъ однихъ, что графъ раненъ, а отъ другихъ, что онъ убитъ, отыскивалъ его вездѣ и наткнулся на меня въ ту минуту, какъ Каменецкій точилъ свой инструментъ, чтобъ приняться за меня. Дивовъ спросилъ меня — не можетъ ли онъ мнѣ чѣмъ помочь, и оказалъ мнѣ большую услугу. Я попросилъ его, не можетъ ли онъ мнѣ достать льду и положить въ ротъ, изсохшій отъ жару; къ удивленію

моему онъ исполнилъ мое желаніе. Онъ же нашелъ и прислалъ мнѣ двухъ моихъ людей. Даже и тутъ ядра тревожили иногда усиленныя работы нашихъ медиковъ.

Возвратимся на батарею Раевскаго. Мы видѣли первый штурмъ и какъ дорого французы поплатились за временное завладѣніе этою батареею; тутъ полегли лучшіе ихъ генералы. Ихъ дивизіонные начальники смѣнялись одинъ другимъ. Ихъ тридцатый полкъ былъ тутъ весь погребенъ, и вся дивизія Морана была почти истреблена. Вице-король Евгеній отчаянно кидался отъ одной дивизіи къ другой, посылая адъютанта за адъютантомъ къ Наполеону просить помощи. Блестящая кавалерійская атака Уварова привела вдругъ въ смятеніе всю непріятельскую армію и отвлекла бѣшеныя усилія французовъ отъ нашего лѣваго фланга (гдѣ русскіе, какъ говоритъ Сегюръ, образовали себѣ въ третій разъ лѣвый флангъ передъ Неемъ и Мюратомъ), равно какъ и отъ батарей Раевскаго. Эта атака, проникшая до непріятельскихъ парковъ и обозовъ, совершенно смутила Наполеона. Нельзя не жалѣть, что при этой атакѣ кавалерія не имѣла при себѣ конной артиллеріи, что Кутузовъ скоро удовольствовался произведенною въ французской арміи тревогою и отозвалъ Уварова. Тутъ погибъ добрый другъ гвардейскихъ артилеристовъ, кавалергардскій ротмистръ Корсаковъ, одаренный богатырскою силою, и котораго сабля долго пролагала себѣ широкую дорогу въ рядахъ непріятеля; но картечь пробила его латы.—Этотъ моневръ могъ бы совершенно порѣшить успѣхъ битвы въ нашу пользу. Только что кавалерія наша, попавшая подъ сильный огонь артиллеріи, возвратилась въ свою линію, начались, опять одна за другой, яростныя атаки на курганную батарею Раевскаго.

Между тѣмъ какъ вице-король Евгеній велъ свои колоны на приступъ, Коленкуръ, принявъ начальство надъ кирасирами уже убитаго Монбрена, обогнулъ батарею, проникъ въ нее съ тылу. Онъ погибъ, а батарея была взята, но окупленная огромною потерею непріятеля. Здѣсь произошло тоже самое, что и на лѣвомъ флангѣ; тутъ были Барклай, Милорадовичъ и Остерманъ подъ градомъ пуль. Первый, въ генеральскомъ мундирѣ, со всѣми звѣздами и въ шляпѣ съ султаномъ; такъ (и мы его видѣли на лѣвомъ флангѣ) онъ являлся вездѣ въ важный моментъ. Перейдя черезъ лощину на гребень передъ Горками, они выстроили новые ряды, новыя батареи, и «съ этихъ вторыхъ высотъ»,—говоритъ Сегюръ—«начали громить передовыя высоты, которыя намъ уступили. Вице-король долженъ былъ прикрыть свои линіи, едва переводившія духъ (haletantes), изнеможенныя, и растерзанныя за обрушенными ретраншаментами, поставя солдатъ на колѣни въ согбенномъ положеніи, въ которомъ они оставались нѣсколько часовъ, удержанные непріятелемъ, котораго они удерживали». Нельзя не замѣтить при этомъ случаѣ смѣлое дѣйствіе двухъ орудій гвардейской Конной Артиллеріи, подъ командою подпоручика барона Корфа: эти два орудія удержали напоръ непріятельской колонны корпуса Груши, подскакавъ на самую ближнюю дистанцію, и не опасаясь, по завѣту Кутайсова, потерять свои орудія, нѣсколькими картечными выстрѣлами отбросили колонну, такъ что, когда разсѣялся дымъ, вмѣсто грозно шедшей колонны, лежала груда труповъ. «Ажъ черно да мокро»! вырвалось у солдатъ. Также поступилъ Корфъ вскорѣ противъ кавалеріи и едва не

попался въ плѣнъ; его выручилъ дивизіонъ Кавалергардовъ и Конной Гвардіи *).

Съ этой второй позиціи въ центрѣ (какъ и на лѣвомъ флангѣ) мы не подались уже ни шагу назадъ.

Наполеонъ, передъ захожденіемъ солнца, хотѣлъ взглянуть на первую позицію нашего лѣваго фланга, занятую французами, но и тамъ онъ нашелъ поле сраженія еще не вполнѣ въ своей власти; русскія ядра и даже пули не переставали его оспаривать, и онъ скоро удалился.

Послѣдніе выстрѣлы подъ Бородинымъ, уже въ темнотѣ, были сдѣланы по непріятелю нашимъ штабъ-капитаномъ Ладыгинымъ, приведшимъ вторично 6 орудій первой Легкой роты и примкнувшись къ Финляндскому полку, когда этотъ полкъ, уже въ девятомъ часу вечера, отразилъ непріятельскую пѣхоту.

Наполеонъ, возвращаясь раздосадованный отъ Семеновскихъ высотъ, позвалъ маршала Мортье и приказалъ подвинуть туда молодую гвардію, но отнюдь не переходить за оврагъ, который отдѣлялъ нашу вторую позицію. Онъ прибавилъ, что поручаетъ ему удержать поле сраженія (т. е. передовую часть); что онъ только этого желаетъ, и чтобъ онъ сдѣлалъ все, что можетъ, для выполненія этого, и ничего болѣе. Потомъ Наполеонъ скоро воротилъ Мортье, чтобъ спросить: хорошо-ли онъ его понялъ, предписывая ему отнюдь не завязывать дѣла, а главное удерживать поле сраженія. Черезъ часъ послѣ того, онъ опять повторилъ ему тоже приказаніе: ни въ какомъ случаѣ не подвигаться и не отступать. Это—слова находившагося при Наполеонѣ

*) Ратчъ «Артилерійскій Журналъ» 1861 годъ, октябрь.

Сегюра. Но даже и это робкое желаніе Наполеона не было выполнено. Ночная атака Платова опять смутила всю армію, отступившую къ Колоцкому монастырю. Смятеніе достигло до ставки Наполеона, такъ что его старая гвардія стала въ ружье, «ce qui, après une victoire, parût un affront» *), прибавляетъ Сегюръ. Конечно, слово «victoire» послѣ всего, имъ сказаннаго, есть не иное что какъ сарказмъ. Мы ночевали даже на нашихъ первыхъ позиціяхъ въ Семеновскомъ и на батареѣ Раевскаго. Поручикъ Коробьинъ батарейной роты графа Аракчеева, покрытый контузіями, одинъ изъ офицеровъ этой роты, оставшійся на ногахъ съ 4 орудіями изъ 12, былъ послѣдній артилеристъ, оставившій, на разсвѣтѣ 27 августа, Бородинское поле, проведя безопасно ночь у Семеновской. На него наѣхалъ казачій разъѣздъ (а не французы), который объявилъ ему объ отступленіи нашей арміи къ Можайску.

Исторія уже занесла Бородинскій день въ число славныхъ дней Россіи, и не даромъ нашъ Государь, путешествуя инкогнито въ чужихъ краяхъ, принимаетъ титулъ графа Бородинскаго.

Громкій «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» исчислилъ только приблизительно блестящую фалангу русскихъ полководцевъ нашей знаменитой Отечественной войны; но онъ забылъ Барклая, и получилъ справедливый упрекъ отъ Пушкина, который воздвигъ полководцу истинный памятникъ своими великолѣпными стихами **). Могутъ ли когда умереть въ памяти Россіянъ, вмѣстѣ съ Румянцевыми и Суворовыми, имена Кутузова, Багратіона, Барклая, Милорадовича, Бенигсена, Витген-

*) Что послѣ побѣды казалось пораженіемъ.

**) «Полководецъ».

штейна, Дохтурова, Раевскаго, Остермана, Коновницына, Платова, Тормасова, Палена, Воронцова, Васильчикова и трехъ Тучковыхъ, Ермолова, Кутайсова, Паскевича, Невѣровскаго, Багговута. Исчисляемъ только главныхъ дѣятелей войны 1812 года: это только такія имена, которыя уже залегли въ памяти каждаго офицера. Сколько же такихъ генераловъ какъ: Кульневъ, Дороховъ, Илловайскій, Уваровъ, Бороздинъ, Капцевичъ, Шевичъ, Шаховской, Олсуфьевъ, Сенъ-При, Яшвиль, Козенъ-Довре, Левенштремъ, Лихачевъ, Кретовъ, Дука, баронъ Корфъ, Костенецкій, Орловъ-Давыдовъ, князь Голицынъ, графъ Строгановъ, Щербаковъ, Крейцъ, Меллеръ-Закомельскій, Сабанѣевъ; такихъ штабъ-офицеровъ главнаго штаба, полковыхъ и батарейныхъ командировъ какъ: Дибичъ, Манахтинъ, Розенъ, Потемкимъ, Храповицкій, Удомъ, Бистромъ, Крыжановскій, Базилевичъ, Таубе, Ладыгинъ, Столыпинъ, Захаровъ, Раль, Богуславскій, Шульманъ, Дитрихсъ, Нилусъ, Башмаковъ, Никитинъ, Воейковъ, Мелиссино, Мадатовъ; партизаны: Фигнеръ, Давыдовъ, Сеславинъ, кн. Кудашевъ. Пишу, не развертывая росписанія арміи, и называю тѣхъ, которыхъ я зналъ или видѣлъ. И можно ли не причесть къ этой геройской фалангѣ знаменитое имя графа Растопчина, которому, можетъ быть, Москва воздвигнетъ памятникъ, какъ своему крестному отцу—крещенья огненнаго, изъ котораго она вышла славнѣе, чѣмъ была. Не могу здѣсь не припомнить, какъ черезъ девять лѣтъ послѣ пожара Москвы я встрѣтилъ графа Растопчина въ Парижѣ: онъ пригласилъ меня однажды послѣ обѣда ѣхать въ оперу. Мы скоро замѣтили, что многіе лорнеты изъ партера были обращены на его ложу. Въ антрактѣ послѣ 1-го дѣйствія постучались къ

намъ и подали ему листокъ бумаги, на которомъ было было написано слѣдующее четверостишіе, не вполнѣ точно мною запомненное:

Rostorspschin.... dans son ardent courage
Aima mieux brûler Moscou, que de nous recevoir;
Nous sommes plus polis: chacun de nous, je gage,
Brûle du désir de le voir *).

Нельзя не пожелать, чтобъ столь же искусное и живописное перо, какимъ владѣетъ графъ Толстой, передало новому поколѣнію Русскихъ въ истинномъ свѣтѣ ихъ славное былое, которое бы слилось съ настоящею славою. Мы уже сказали, что главы 33, 34 и 35 романа графа Толстаго представляютъ, въ общемъ объемѣ, вѣрную картину Бородинской битвы, но это картина безъ дѣйствующихъ лицъ, (ибо, конечно, г.г. Безуховъ и Болконскій не суть таковыя); у него все дѣлается невидимою силою, силою случая, что едва-ли согласно съ тѣмъ высокимъ назначеніемъ, которое дано Богомъ человѣку въ здѣшнемъ мірѣ. Если нѣтъ дѣятелей, то нѣтъ и исторіи: всѣ доблести тонутъ въ пучинѣ забвенія, и всякое одушевленіе подражать этимъ доблестямъ исчезаетъ.

Я перейду нѣсколько за этотъ предѣлъ, на которомъ останавливается четвертый томъ романа графа Толстаго, — по общей связи съ предметомъ. «Quelle journée, quelle journée!» **) восклицалъ Наполеонъ, по свидѣтельству его камердинера, въ тревожномъ бреду,

---

*) Растопчинъ въ своемъ горячемъ мужествѣ предпочелъ лучше сжечь Москву, чѣмъ насъ принять. Мы болѣе вѣжливы; я объ закладъ бьюсь, что каждый изъ насъ горитъ желаніемъ его видѣть.

**) Что за день, что за день!

ночью на 27-е число, безпрестанно переворачиваясь на постели въ своей ставкѣ. И подлинно: потеря обѣихъ армій была огромная и трудно опредѣлить, какая изъ нихъ была болѣе разстроена. У Наполеона оставалось 20,000 гвардіи, но и у насъ многіе полки праваго фланга не были введены вь дѣло. У французовъ была вся артиллерія въ дѣлѣ, тогда какъ у насъ нѣсколько ротъ артиллеріи было не тронуто. Французская армія, по свидѣтельству самихъ французовъ, была frappée de stupeur, *) а наша, по свидѣтельству тѣхъ же самихъ французовъ, представляла еще армію грозную **). Не можемъ повторить, что если бы ночная атака нашихъ казаковъ была поддержана регулярною кавалеріею и частію конной артиллеріи, то послѣдствія могли бы обратить законченную битву въ побѣду; но физическое истощеніе — не одного Кутузова — превозмогло принятую имъ сначала рѣшимость. То же самое затѣвали Мюратъ и Ней съ меньшимъ вѣроятіемъ въ успѣхѣ, по причинѣ упадка духа ихъ арміи, и тѣ же причины ихъ остановили ***).

Данилевскій, находившійся при Кутузовѣ, сохранилъ намъ приказъ его Дохтурова (который заступилъ мѣсто князя Багратіона), диктованный въ пятомъ часу по полудни при взрывѣ лопавшихъ вокругъ него гранатъ, въ дополненіе къ посланному уже съ Раевскимъ словесному приказанію: «Я изъ всѣхъ движеній непріятельскихъ вижу, что онъ не менѣе насъ ослабѣлъ въ

*) Поражена оцѣпѣненіемъ.

**) Г. Липранди, участникъ въ Бородинской битвѣ, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ: «Кому и въ какой степени принадлежитъ честь Бородинскаго дня» дѣлаетъ выводъ выписками исключительно изъ иностранныхъ писателей въ нашу пользу.

***) Начальникъ французской артиллеріи Ларибосьеръ доносилъ, что въ этотъ день выпущено 60,000 пушечныхъ зарядовъ и 1,400,000 патроновъ, что составляетъ 100 пушечныхъ и 2,300 ружейныхъ выстрѣловъ въ минуту.

сіе сраженіе, и потому, завязавши уже дѣло съ нимъ, рѣшилъ я сегодня всѣ войска устроить въ порядкѣ, снабдивъ артиллерію новыми зарядами, завтра возобновить сраженіе»... И только уже по личномъ свиданіи съ Дохтуровымъ, въ одинадцатомъ часу вечера, взвѣся понесенныя въ этотъ день громадныя потери, онъ рѣшилъ отступленіе. Увидѣвъ Дохтурова, который такъ достойно замѣстилъ Багратіона и отстоялъ нашъ лѣвый флангъ, Кутузовъ сказалъ ему: «Поди ко мнѣ, мой генералъ, и обними меня. Чѣмъ Государь можетъ вознаградить тебя?» Несмотря на преклонность лѣтъ своихъ, Кутузовъ съ самаго начала битвы до конца, какъ капитанъ корабля на палубѣ, съ высотъ, прилежащихъ къ Горкамъ, слѣдилъ за всѣми фазисами битвы, непоколебимо выслушивая всѣ привозимыя ему донесенія, какъ хорошія, такъ и дурныя, за которыми, когда требовала необходимость, дѣлались имъ немедленно распоряженія. Такимъ образомъ, въ одно время, оставивъ свою скамейку, онъ сѣлъ на лошадь, и, находясь подъ выстрѣлами, велѣлъ Милорадовичу съ пѣхотнымъ корпусомъ графа Остермана и съ кавалерійскимъ Корфа идти на подкрѣпленіе центра, когда непріятель штурмовалъ батарею Раевскаго. Онъ же направилъ кавалерійскую атаку Уварова и Платова; онъ же прогналъ Вольцогена, котораго къ нему послалъ Барклай, отнюдь не съ тѣмъ чтобы сказать, что сраженіе проиграно, а что войска лѣваго фланга находятся въ большомъ изнеможеніи и разстройствѣ (in grösster Erschöpfung und Zerrüttung). Кутузовъ умѣлъ цѣнить геройскую храбрость Барклая, и конечно не оскорбилъ-бы его; но онъ ненавидѣлъ Вольцогена, который принадлежалъ школѣ той арміи, съ которой Кутузовъ долго имѣлъ дѣло и которая не умѣетъ сра-

жаться коль скоро не занимаетъ eine starke Position *). Отсюда Кутузовъ, хотя онъ и жевалъ жареную курицу, послалъ своего адъютанта Граббе объѣхать ряды войскъ и сказать имъ, что бы они готовились сражаться на другой день, тутъ-же заставилъ Кайсарова написать таковой же приказъ по арміи и не растерялся такъ, какъ его противникъ, геніальный Наполеонъ, который ни на что не рѣшался. А графъ Толстой, рисуя князя Кутузова подъ Бородиномъ, говоритъ о немъ то же самое, что сказалъ о князѣ Багратіонѣ подъ Шёнграбеномъ: «Онъ не дѣлалъ ни какихъ распоряженій, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему».

Оставляемъ нашимъ читателямъ заглянуть въ сочиненія о войнѣ 1812 года, если они, какъ говоритъ самъ графъ Толстой, захотятъ убѣдиться и вникнуть въ сущность дѣла, обсудить тѣ три «будто бы», которыя онъ приводилъ о выборѣ позиціи для нашей арміи къ принятію сраженія, и что наша позиція подъ Бородиномъ «не есть почему-нибудь позиція болѣе чѣмъ всякое другое мѣсто въ Россійской Имперіи, на которое, гадая, можно бъ было указать булавкой на картѣ».

Когда я былъ раненъ—это было уже въ третьемъ часу—повозки для раненыхъ все еще были въ изобиліи: я видѣлъ цѣлые ряды телѣгъ, устланныхъ соломою. Нѣкоторые изъ тяжело-раненыхъ тутъ же умирали и тутъ же предавались землѣ, и трогательно было видѣть заботу, съ которою раненые-же солдаты и ратники ломали сучки кустовъ и, связывая ихъ на крестъ, ставили на могилу. Одинъ изъ французскихъ повѣствователей этой эпохи, замѣтивъ эти могилы, говоритъ, что

*) Сильную позицію.

наша армія отступала къ Москвѣ въ такомъ порядкѣ, что ни одного колеса не было оставлено на пути.

Моя телѣга въѣхала въ длинный рядъ другихъ телѣгъ, тянувшихся съ ноги на ногу къ Можайску. Въ ушахъ моихъ во все время пути—хотя мы были уже далеко отъ поля сраженія—все еще раздавался пушечный громъ и слышался свистъ ядеръ. Мы прибыли въ сумерки къ Можайску; улицы были запружены подводами. По особенному счастію мои люди увидѣли возлѣ одного дома людей моихъ товарищей, раненыхъ прежде меня; тутъ остановили мою телѣгу и меня внесли въ комнату. «Кто это-еще?» сказалъ слабый голосъ лежавшаго на соломенной постилкѣ,—и я узналъ моего друга, полковника Таубе. Меня положили возлѣ него. «Хотя бы насъ стариковъ», прошепталъ онъ, протягивая мнѣ руку. У него была отнята нога выше колѣна. Въ приподнявшемся по другую сторону узналъ я подпоручика Баранова, у котораго раздроблена была рука осколкомъ гранаты. Не долго мы бесѣдовали, мы всѣ были въ жару, всѣмъ намъ нужно было успокоеніе, которымъ мы недолго могли пользоваться; насъ торопили отправить изъ Можайска, и на зарѣ мы уже выѣхали. Благодаря Таубе меня положили вмѣстѣ съ нимъ въ лазаретную карету, иначе меня повезли бы, по моему чину, опять въ телѣгѣ. «Не спасла меня твоя сабля, говорилъ мнѣ Таубе, «да и тебя твой ятаганъ». Отраденъ былъ мнѣ этотъ путь при такомъ товарищѣ. При въѣздѣ въ Москву насъ обступилъ народъ; женщины бросали намъ деньги въ карету, и мы съ трудомъ могли ихъ убѣдить, что деньги намъ не нужны, тѣмъ болѣе, что тяжелые пятаки могли насъ зашибить. Барановъ, который не отставалъ отъ насъ, предлагалъ намъ остановиться въ

домѣ отца, сенатора. У Таубе былъ въ Москвѣ какой-то родственникъ, а я согласился на предложеніе Баранова. Таубе завезъ меня къ нему, и тутъ мы разстались съ нимъ на вѣки. Онъ отправился, какъ я узналъ послѣ, въ Ярославль, гдѣ вскорѣ умеръ. Гостепріимный домъ Баранова былъ совершенно пустъ; мы пробыли здѣсь два дня; трудно было имѣть медицинскія пособія, и меня перевезли, по тяжести раны, въ Голицынскую больницу. Тутъ прислала узнать обо мнѣ, не выѣхавшая еще изъ Москвы, моя добрая знакомая Дарья Николаевна Лопухина, племянница княгини В. В. Голицыной, у которой я жилъ въ Петербургѣ. Не знаю, какъ она провѣдала обо мнѣ; она предлагала взять меня съ собою и писала, что будетъ ожидать меня за Ярославскою заставою; при ней были двѣ дочери; но я не могъ рѣшиться обременить ее собою. На другой день явился ко мнѣ въ больницу какой то крестьянинъ, и подалъ мнѣ адресованную на мое имя записку, писанную карандашемъ; эта записка была отъ моего друга, штабсъ-капитана Ладыгина, слѣдующаго содержанія: «Пишу тебѣ, мой другъ, на пушкѣ; мы оставляемъ Москву, непріятель вступаетъ за нами; спасайся, если можешь и заяви товарищамъ». Больно легли мнѣ на сердце слова: «мы оставляемъ Москву!..» но истина являлась во всей наготѣ. При мнѣ были мои два человѣка и одна больничная женщина; я немедленно послалъ обоихъ людей отыскивать какой-нибудь экипажъ и лошадей; къ вечеру нашли какую-то бричку, но лошадей еще не было.

Прошла ночь; страшное пожарное зарево освѣщало комнату; люди мои исчезли, а потомъ и женщина; я былъ весь день одинъ. На другой день вошелъ въ комнату кавалеристъ: это былъ уже французскій мародеръ;

онъ началъ шарить по всей комнатѣ, подошелъ ко мнѣ, безжалостно раскрылъ меня, шарилъ подъ подушками и подъ тюфякомъ, и ушелъ пробормотавъ: «il n'a donc rien!» *) въ другія комнаты. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ вошелъ старый солдатъ и также приблизился ко мнѣ: «Vous êtes un russe?» «Oui, je le suis.»—Vous paraissez souffrir?» **) Я молчалъ. «N'avez vous pas besoin de quelque chose?» « Je meurs de soif» ***). Онъ вышелъ, появилась и женщина; онъ принесъ какіе-то бѣлые бисквиты и воды; обмочивъ ихъ въ водѣ, далъ мнѣ самъ напиться, подалъ бисквитъ, и пожавъ дружелюбно руку: сказалъ: «Cette dame vous aidera» ****). Я узналъ отъ этой женщины, что все, что было въ домѣ, попряталось или разбѣжалось отъ мародеровъ; о людяхъ моихъ не было ни слуху, ни духу.

Слѣдующій день былъ уже не таковъ: французы обрадовались, найдя уцѣлѣвшій отъ пожара госпиталь съ нужнѣйшими принадлежностями. Въ мою комнату вошелъ со свитою нѣкто почтенныхъ уже лѣтъ, въ генеральскомъ мундирѣ, остриженный спереди, какъ стриглись прежде наши кучера, прямо подъ гребенку, но со спущенными до плечъ волосами. Это былъ баронъ Ларрей, знаменитый генералъ-штабъ-докторъ Наполеона, находившійся при арміи со времени итальянской и египетской компаніи. Онъ подошелъ прямо ко мнѣ. Вотъ нашъ разговоръ: «De quelle arme êtes vous, monsieur?»—«Officier de l'artillerie de la garde».—«C'est à la grande bataille que vous avez été blessé?»—«Oui, général,»—«Quand est ce qu'on vous a levé le premier appareil?»— «On ne m'a

*) У него ничего нѣтъ!

**) Вы русскій? Да я русскій. Вы повидимому страдаете?

***) Не нужно-ли вамъ чего нибудь? Я умираю отъ жажды.

****) Эта дама вамъ поможетъ.

pas touché depuis».—«Comment! depuis la grande bataille?» —«Oui, géneral» *).

Онъ пожалъ плечами и, обернувшись, сказалъ что-то стоящему возлѣ него доктору; взялъ стулъ, сѣлъ подлѣ моей кровати и началъ распрашивать окружающихъ о положеніи, въ какомъ найденъ госпиталь. Минутъ черезъ десять внесли ящикъ съ инструментами, тазы, рукомойники, бинты, корпію и проч. Ларрей всталъ, сбросилъ съ себя свой мундиръ, засучилъ рукава и, приближаясь ко мнѣ, сказалъ: «Allons, jeune homme, je vais m'occuper de vous» **). Около получаса провозился онъ со мною и нѣсколько помучилъ меня — на ранѣ былъ уже антоновъ огонь—самъ перевязалъ меня, и передавая помогавшему ему доктору сказалъ: «M-r Beaufils, vous me répondrez de la vie de ce jeune homme!» ***) Я былъ тронутъ до глубины души, и высказалъ все, что могъ нѣжнаго этому великодушному человѣку. Недаромъ Наполеонъ прозвалъ его: le vertueux Larrey. Докторъ Beaufils, которому я былъ порученъ Ларреемъ, былъ уже человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, плѣшивый, самой доброй наружности и весьма живой во всѣхъ своихъ пріемахъ. Еще черезъ день пріѣхалъ посѣтить графъ Лористонъ, бывшій у насъ посломъ въ Петербургѣ, и котораго я такъ недавно видѣлъ въ кругу нашего столичнаго общества. Онъ помѣстился послѣ пожара, поглотившаго Москву, въ уцѣлѣвшемъ роскошномъ домѣ графини Орловой-Чесменской, близъ нашего Голицынскаго госпиталя. Онъ

*) Какого рода оружія вы, милостивый государь? Гвардейской артиллеріи.—Вы были ранены во время великой битвы? Да ваше превосходительство.— Когда это вамъ сдѣлали перевязку. Меня не трогали съ тѣхъ поръ.— Какъ съ самой великой битвы? Да ваше превосходительство.

**) Пойдемте, молодой человѣкъ. Я займусь съ вами.

***) Господинъ Бофисъ, вы мнѣ отвѣтите за жизнь этого молодого человѣка.

оказалъ мнѣ самое теплое участіе, заявилъ чтобъ я относился къ нему во всемъ, что будетъ мнѣ нужно, и обѣщалъ присылать навѣдываться обо мнѣ, что и исполнилъ и въ тотъ уже день прислалъ мнѣ миску съ бульономъ. Вскорѣ кровати моей комнаты начали наполняться. Первый, котораго принесли, былъ адъютантъ Барклая, Клингеръ, у котораго была отнята нога выше колѣна; онъ былъ въ бреду; за нимъ принесли Тимофѣева, капитана одного изъ егерскихъ полковъ арміи князя Багратіона, прострѣленнаго насквозь; потомъ поручика Обольянинова, баталіоннаго адъютанта Преображенскаго полка; затѣмъ маіора Орденскаго Кирасирскаго полка Вульфа; у обоихъ было отнято по ногѣ. Вульфу дѣлалъ операцію баронъ Ларрей. До этой поры сюда помѣщали однихъ русскихъ. Въ слѣдующій день поступилъ къ намъ адъютантъ французскаго дивизіоннаго кавалерійскаго генерала Пажоля, драгунскій капитанъ d'Aubanton, тяжело раненый осколкомъ гранаты въ бокъ и въ руку. Мы съ нимъ скоро обмѣнялись съ нашихъ кроватей дружелюбными словами: это былъ человѣкъ серьезный, котораго бесѣда была не пустословная. Межъ тѣмъ всѣ комнаты госпиталя переполнились ранеными. Такимъ образомъ наша судьба казалась на это время нѣсколько обезпеченною среди терзаемыхъ со всѣхъ сторонъ грабителями остатковъ обгорѣлой Москвы. Наконецъ явились ко мнѣ мои два человѣка, совершенно оборванные, но обрадованные, что нашли меня въ живыхъ; они разсказали мнѣ, что французы отняли у нихъ все мое имущество, даже мое окровавленное подъ Бородинымъ платье, и что ихъ заставляли всѣ эти дни, какъ лошадей, таскать грабимыя вещи, держа ночью подъ карауломъ. Изъ всего, что я имѣлъ, у меня остал-

ся только находившійся на моей груди маленькій образокъ Божіей Матери, которымъ меня благословила въ походъ благотворительная Д. Н. Лопухина, и который меня и доселѣ не оставляетъ. Я узналъ въ послѣдствіи, что она едва ускакала отъ французскихъ разъѣздовъ, ожидая меня у Ярославской заставы. Такія дѣла не изглаживаются изъ памяти сердца. Бѣдный Клингеръ, не выходившій изъ бреда, поминая часто о георгіевскомъ крестѣ, который онъ конечно заслужилъ, скоро простился съ нами на вѣкъ, и его вынесли отъ насъ на простынѣ.

Графъ Лористонъ не забылъ меня: дня черезъ два послѣ его посѣщенія пріѣхалъ ко мнѣ отъ его имени, и вѣроятно навѣщавшій своихъ раненыхъ товарищей, молодой офицеръ, его однофамилецъ и родственникъ, одинъ изъ ординарцевъ Наполеона. Несмотря на мою сердечную благодарность графу Лористону, я признаюсь съ какою-то злобною радостію услышалъ отъ него: «Moscou n'existe plus p o u r n o u s—tout est devoré par les flammes» *) (p o u r v o u s, хотѣлось мнѣ сказать ему, mais pas pour nous), и что Наполеонъ долженъ былъ на нѣкоторое время оставить c e b r a s i e r **) и переѣхать изъ Кремля за городъ. Онъ же разсказывалъ мнѣ (какъ офицеру гвардейской артиллеріи), что, объѣзжая съ Наполеономъ поле сраженія, они нашли одного изъ офицеровъ нашей Гвардейской Артиллеріи безъ обѣихъ ногъ, замертво оставленнаго; я призналъ тотчасъ въ этомъ офицерѣ несчастнаго Ковалевскаго, объ участи котораго я зналъ отъ Ладыгина, посѣтившаго насъ ко-

---

*) Москва не существуетъ болѣе для насъ, пламя пожрало все. Для васъ, а не для насъ.

**) Костеръ.

гда мы были въ домѣ Баранова. Теперь я узналъ, что онъ былъ перевезенъ съ французскими ранеными въ Колоцкій монастырь, гдѣ конечно и умеръ. Освѣдомляясь о положеніи, въ которомъ находились наши дѣла, мой собесѣдникъ, не опасаясь нескромности съ моей стороны, по причинѣ положенія, въ которомъ я находился, сообщилъ мнѣ очень важное извѣстіе: «Je ne puis vous rien dire de votre armée, car nous ne savons pas ce qu'elle est devenue, et nous sommes à sa recherche» *). Онъ мнѣ даже довольно подробно разсказалъ, какъ Мюратъ, въ продолженіи трехъ дней думая слѣдить нашу армію, давно уже имѣлъ передъ собою только нѣсколько сотенъ казаковъ, которые на ночь разводили бивуачные огни на далекое пространство, яко бы принадлежащее большой арміи; что въ одно прекрасное утро, самые эти казаки передъ нимъ исчезли,—и онъ остался одинъ передъ пустыннымъ полемъ... «La piste de l'ennemi est perdue» **) сказалъ Наполеонъ во все услышаніе.

Задуманное знаменитое фланговое движеніе Кутузова съ Рязанской дороги на Калужскую, до приведенія его въ исполненіе, хранилось только въ головѣ Кутузова, и только со втораго перехода по Рязанской дорогѣ, когда французы, уже убѣдились, что онъ идетъ на Коломну, онъ подъ строгою тайною открылъ однимъ корпуснымъ командирамъ (которые долго не понимали этого движенія) весь свой планъ. Дойдя до Боровскаго перевоза, у Москвы рѣки, Кутузовъ быстро повернулъ всю армію на проселочныя дороги къ Подольску, къ ночи вышелъ форсированнымъ маршемъ на большую

---

*) Я ничего не могу вамъ сказать о вашей арміи, такъ какъ мы не знаемъ гдѣ она, и ищемъ ее.

**) Слѣдъ непріятеля потерянъ.

Тульскую дорогу и расположился у Подольска. Темная ночь освѣщалась по всему небосклону заревомъ пылающей Москвы: это зрѣлище краснорѣчивѣе всякихъ воззваній закаляло въ сердцахъ солдатъ мщеніе. Тутъ армія имѣла дневку, и на другую ночь та же Москва продолжала ей свѣтить своимъ пожаромъ. 7-го сентября армія довершила свое фланговое движеніе, ступивъ у Красной Пахры на старую Калужскую дорогу. Надобно замѣтить, что когда Кутузовъ сошелъ съ Рязанской дороги, онъ велѣлъ аріергарду Милорадовича пробыть еще день на Рязанской дорогѣ, а потомъ оставя вмѣсто себя на этой дорогѣ два казачьихъ полка Ефремова, самому своротить по проселочной дорогѣ, параллельной той, по которой слѣдовала армія. При всѣхъ пересѣкаемыхъ Милорадовичемъ дорогахъ, онъ оставлялъ отряды съ приказаніемъ, еслибъ съ ними встрѣтился непріятель, не слѣдовать за общимъ движеніемъ арміи, дабы не обличить онаго, а отступать по той дорогѣ, на которой былъ поставленъ отрядъ; между тѣмъ полковникъ Ефремовъ велъ Мюрата по Рязанской дорогѣ до самыхъ Бронницъ, гдѣ и послѣдовало разочарованіе этого вѣнценоснаго наѣздника.

Геніальный Пушкинъ прекрасно сказалъ, что одинъ только Кутузовъ (при томъ довѣріи, которое имѣла къ нему Россія) могъ отдать Москву непріятелю и стать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарутинскихъ, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы и выжидая роковой минуты. Эта роковая минута уже настала... Мы знали о посылкѣ Лористона къ Кутузову съ мирными предложеніями, но сердца наши знали и помнили слова манифеста, что нашъ мечъ не войдетъ въ ножны, доколѣ

хотя одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться на почвѣ русской.

Намъ даже говорили о возможности возвратить насъ въ нашу армію, если мы для проформы дадимъ росписку, что въ продолженіе кампаніи не поступимъ опять въ ряды. Не знаю было ли это намъ сказано по распоряженію высшаго начальства, или для нашего утѣшенія, но никто изъ насъ не соглашался на эту проформу. Мнѣ сказали, что обо мнѣ справлялись изъ нашей арміи. Я узналъ впослѣдствіи, что я этимъ обязанъ Алексѣю Петровичу Ермолову, по просьбѣ моего брата, только что выпущеннаго изъ пажескаго корпуса офицеромъ въ л.-гв. Егерскій полкъ. Между тѣмъ я былъ неожиданно удивленъ появленіемъ въ одинъ день передъ собою крестьянина Дмитрія Семенова, помѣстья моихъ родителей Рязанской губерніи села Екимца, который вызвался проникнуть въ Москву и доставить имъ извѣстіе обо мнѣ. Неописанно утѣшенный, я написалъ съ нимъ нѣсколько строкъ, которыя прошли чрезъ французскую цензуру и благополучно достигли до моихъ обрадованныхъ родителей.

Слухи о выступленіи французовъ начали распространяться. Уже болѣе недѣли не посѣщалъ меня адъютантъ графа Лористона. Французскій капитанъ d'Aubanton, только что начавшій поправляться, внезапно простился съ нами и заявилъ, что кавалерійская дивизія его генерала выступаетъ; наконецъ и добрый докторъ Beaufils, послѣ утренней перевязки, просилъ насъ записать въ его альбомъ наши имена, и вслѣдъ затѣмъ прямо объявилъ намъ, что вся армія на другой день оставляетъ Москву. При прощаніи онъ не мало смутилъ насъ словами: «je regrette, que tous mes soins près

de vous seront peut étre perdus!» *). Мы хотѣли, чтобъ онъ разъяснилъ намъ эти слова, но онъ, взволнованный, обнялъ насъ, и, не сказавъ болѣе ни слова, быстро удалился. Разгадка была та, что Наполеонъ, выступая изъ Москвы, велѣлъ маршалу Мортье остаться въ ней еще нѣсколько дней съ двумя дивизіями молодой гвардіи, и оставить Москву не иначе, какъ взорвавши Кремль и предавъ пламени остатки города!... Эта гнусная, звѣрская злоба отбросила Наполеона въ скрижаляхъ исторіи далеко изъ рязряда великихъ людей и уже этимъ самымъ онъ призналъ побѣду за Россіею.

Тишина, окружавшая нашъ отдаленный кварталъ, Калужскій, внезапно замѣнилась неумолкающимъ шумомъ обозовъ; наконецъ 7-го октября, рано по утру, началось движеніе войскъ. Изъ построившихся рядовъ итальянской гвардіи, противъ самыхъ воротъ нашей Голицынской больницы, нѣсколько офицеровъ, въ ожиданіи прибытія Наполеона, зашли къ намъ въ комнаты проститься съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей раненыхъ. Съ однимъ изъ этихъ офицеровъ, подошедшимъ къ моей кровати, я имѣлъ случай обмѣняться нѣсколькими словами: Онъ мнѣ сказалъ: «Vous êtes plus heureux en restant ici, voyez... **) и съ этимъ словомъ поднялъ одну ногу и показалъ мнѣ протоптанную подошву своего сапога: «Voici dans quel état nous allons guerroyer» ***). Это не помѣшало однако несчастнымъ итальянцамъ выдержать отчаянный бой подъ Малоярославцемъ, гдѣ почти они всѣ полегли. Зрѣлище бѣд-

*) Я сожалѣю, что всѣ мои заботы о васъ можетъ быть пропадутъ даромъ.

**) Вы болѣе счастливы, оставаясь здѣсь; взглянсте...

***) Вотъ въ какомъ видѣ мы идемъ воевать.

ственно отступавшей непріятельской арміи радостно волновало наши сердца; я просилъ придвинуть мою кровать ближе къ окну; вся улица была покрыта войсками, и не болѣе какъ черезъ полчаса командные возгласы возвѣстили приближеніе Наполеона. Окруженный свитою, онъ остановился противъ нашего госпиталя, и какъ бы осмотрѣвшись, сталъ въ самыхъ воротахъ и началъ пропускать мимо себя взводы полковъ. Хотя мнѣ указывали на него, но я и безъ того не могъ бы не узнать его по оригинальному типу, коротко уже извѣстному. Раненые французы дали мнѣ бинокль, однако я, съ необыкновеннымъ злымъ равнодушіемъ взглянувъ раза два, возвратилъ бинокль, видя и безъ того довольно хорошо. Наполеонъ раза два слѣзалъ съ лошади и опять садился на нее. Нельзя было не замѣтить, что войска нехотя бормотали, а не кричали ему: «Vive l'Empereur!» Это зрѣлище продолжалось болѣе часа, и я, не дождавшись конца, улегся въ своей постели, какъ бы упрекая себя за излишнее вниманіе къ этому лицу.

Долго однако не прекращался шумъ на нашей улицѣ. Около полудня растворились двери сосѣдней съ нами палаты, и цѣлая процессія французовъ въ халатахъ и на костыляхъ, кто только могъ сойти съ кровати, явилась передъ нами. Одинъ изъ нихъ вышелъ впередъ и сказалъ намъ: «Messieurs, jusqu'àprésent vous étiez nos prisonniers; nous allons bientôt devenir les vôtres. Vouz n'avez pas sans doute, messieurs, à vous plaindre du traitement, que vous avez essuyé; permettez nous d'éspérer la même chose de votre part» *). Хотя мы не были

*) Господа, до этихъ минутъ вы были нашими плѣнниками, мы скоро сдѣлаемся вашими. Вы вѣроятно не будете, господа, жаловаться на то какимъ

совершенно увѣрены, что мы вышли изъ плѣна, но поспѣшили ихъ успокоить, прося ихъ сказать намъ, когда дѣйствительно мы будемъ свободны—что они и обѣщали сдѣлать. Прошло почти три дня; ни мы, ни французы не знали въ чьихъ рукахъ мы находимся. Мародеры шмыгали повсюду,—и даже поджигатели, какъ мы узнали послѣ; но сами французы, которые только были нѣсколько въ силахъ, охраняли госпиталь съ помощью нѣкоторыхъ госпитальныхъ людей.

Въ ночь съ 10-го на 11-е октября мы были пробуждены страшнымъ громомъ; оконныя стекла въ сосѣдней комнатѣ посыпались... Это былъ взрывъ Кремля... Взрывы повторились еще нѣсколько разъ. Сонъ уже оставилъ насъ на всю ночь... мы не знали, что насъ самихъ ожидаетъ. Слова добраго Beaufils'а невольно приходили намъ на умъ. Французы продолжали, какъ могли, стеречь нашу больницу отъ поджигателей. Наконецъ по утру французскіе раненые офицеры извѣстили насъ, что наши казаки показались въ Москвѣ, и повторили намъ свою просьбу; мы предложили имъ, будучи недвижимы на нашихъ кроватяхъ, принести намъ свои цѣнныя вещи и деньги и положить ихъ къ намъ подъ тюфяки и подъ подушки, что они и сдѣлали. Дѣйствительно часа черезъ три вошелъ къ намъ казацкій урядникъ съ нѣсколькими казаками; радость наша была неописанная. Мы нѣсколько разъ жарко съ ними обнялись. Это были казаки Илловайскаго; они стерегли выходъ французской арміи близъ Калужской заставы и явились вслѣдъ за ними. Мы заявили, что въ сосѣдней палатѣ лежатъ раненые французы, что мы были болѣе

образомъ мы за вами ухаживали; позвольте надѣяться на то же самое и съ вашей стороны.

мѣсяца у нихъ въ плѣну, что они насъ лечили и сберегли, что за это нельзя ихъ обижать; что лежачаго не бьютъ и тому подобное... Урядникъ слушалъ меня, закинувъ руки за спину. «Это все правда, ваше благородіе, да посмотрите-ка, что они душегубцы надѣлали! Истинно поганцы, ваше благородіе!»—«Такъ, такъ, ребята; да все-таки храбрый русскій солдатъ лежачаго не бьетъ, и мы отъ васъ требуемъ не обижать. «Да слушаемъ, ваше благородіе, слушаемъ!» И направились въ растворенные къ французамъ двери. Сколько можно мнѣ было видѣть, казаки проходили мимо кроватей, косясь на притаившихъ духъ французовъ. Нѣсколько времени было тихо, но вдругъ послышался шумъ и явился къ намъ взволнованный, въ распахнутомъ халатѣ, офицеръ: «Messieurs, messieurs, on m'a ôté mon sabre d'honneur! de grâce, de grâce!...» *). Мы насилу его вразумили, что будучи плѣннымъ, онъ не можетъ сохранять при себѣ оружія; что если онъ дорожилъ своею саблею, то зачѣмъ-же онъ намъ не отдалъ ее подъ сохраненіе вмѣстѣ съ другими вещами? что съ нашей стороны было бы весьма неловко требовать возврата того, чего не слѣдуетъ возвращать и притомъ отъ войска иррегулярнаго... Вскорѣ прибыли сотники и одинъ штабъ офицеръ, весьма обходительный. Мы ему объяснили всѣ обстоятельства; онъ занялся составленіемъ списка плѣннымъ французамъ, и при немъ мы выдали имъ по рукамъ всѣ принадлежавшія имъ вещи и деньги также по запискѣ. Онъ зналъ нѣсколько по французски и успокоилъ въ ихъ судьбѣ, какъ ихъ самихъ, такъ и насъ.

---

*) Господа, у меня отняли мою саблю (честь), помогите, помогите!

На другой день я совѣщался съ моимъ товарищемъ Обольяниновымъ (наши кровати были смежны) о томъ, что намъ дѣлать съ собою. Я ему сказалъ, что у моихъ родителей есть подмосковское помѣстье въ 75 верстахъ отъ Москвы, за Дмитровомъ, и предлагалъ ѣхать туда, а онъ мнѣ заявилъ, что имѣніе его дяди находится только въ 50 верстахъ отъ Москвы, по Клинской дорогѣ, и что тамъ есть больница и аптека. Мы рѣшились отправиться туда. Вульфъ и Тимофѣевъ остались въ Москвѣ. Не знаю, кто и какъ снарядилъ насъ. У насъ не было ни у кого ни денегъ, ни платья; люди наши достали какую-то ветхую бричку и привели какого-то мужичка съ тремя исхудалыми лошаденками; пріискивали платья и ничего не находили; наконецъ добыли гдѣ-то женскіе, и при томъ ваточные, салопы, что было истинною находкою. Въ такихъ костюмахъ, обернувшись вмѣсто плащей фланелевыми одѣялами, мы, помолясь, двинулись съ Обольяниновымъ въ путь.

Нельзя вообразить себѣ тѣ ужасныя картины, которыя развертывались передъ нами по мѣрѣ того, какъ мы подвигались отъ Калужскихъ воротъ къ Москвѣ рѣкѣ. Одинъ только нашъ кварталъ отъ Калужской заставы до Калужскихъ воротъ уцѣлѣлъ отъ пожара (но не совсѣмъ отъ грабежа)—и конечно, благодаря графу Лористону, занимавшему, какъ мы сказали, домъ графини Орловой. Такимъ образомъ былъ пощаженъ Донской монастырь. Все, что видно было передъ нами, сколько могъ обнять глазъ, было черно; высокія трубы домовъ торчали изъ грудъ развалинъ; полизанные пожаромъ дома, закопченныя снизу до верху высокія церкви были какъ бы подернуты крепомъ; и лики святыхъ, написанные на ихъ стѣнахъ, поглядывали съ своими золо-

тыми вѣнцами изъ за черныхъ полосъ дыма; нѣсколько труповъ людскихъ и лошадиныхъ были разбросаны по сторонамъ. Замоскворѣчье было намъ мало знакомо; но тяжкое впечатлѣніе такого зрѣлища навело на всѣхъ насъ глубокое молчаніе, и, проѣзжая мимо поруганныхъ святыхъ церквей, мы творили крестное знаменье. Въ нѣкоторыхъ церквахъ, нѣсколько уцѣлѣвшихъ, двери были раскрыты настежъ, и груды хлама и разныхъ снадобій и мебели наполняли ихъ. Но какъ выразить то чувство, которое объяло насъ при видѣ Кремля! Когда мы въѣхали на Каменный мостъ, картина разрушенія представилась намъ во всемъ ужасѣ... Мы всплеснули руками: Иванъ Великій безъ креста, какъ бы съ разможженою золотою главою, стоялъ одинокъ, не какъ храмъ, а какъ столбъ, потому что вся его великолѣпная боковая пристройка, съ двумя куполами и съ огромными колоколами, была взорвана и лежала въ грудѣ. Когда мы проѣзжали ближе, то видѣли съ набережной, у подошвы его, тамъ, гдѣ онъ соединялся съ пристройкою, глубокую продольную трещину. Башня съ Боровицкими воротами была взорвана; средина кремлевской стѣны также, и мы едва моггли пробраться среди грудъ развалинъ. Грановитая палата, пожранная пламенемъ, стояла безъ крыши, съ закоптѣлыми стѣнами и съ полосами дыма, выходящими изъ оконъ. На куполахъ соборовъ многіе листы были оторваны. Огибая Кремль по дорогѣ къ Василію Блаженному, мы увидѣли, что угловая башня со стѣною были взорваны. Спасскія ворота съ башнею уцѣлѣли. Башня Никольскихъ воротъ, отъ верха вплоть до образнаго кіота, наискось, была обрушена, но самый кіотъ съ образомъ Николая Чудотворца, и даже со стек-

ломъ—что мы ясно видѣли—остались невредимы. Угловая стѣна, примыкавшая къ этой башнѣ и арсеналъ, обращенный къ бульвару (что теперь Кремлевскій садъ) были взорваны...

Съ тѣми же чувствами, какъ Неемія, послѣ плѣна Вавилонскаго, объѣзжалъ вокругъ обрушенныхъ стѣнъ Іерусалима, мы обозрѣвали обрушенныя стѣны Кремля.

Наполеонъ хотѣлъ бы всю мѣстность ненавистной ему Москвы, сдѣлавшуюся гробницею его славы, вспахать и посыпать солью, какъ сдѣлалъ Адріанъ съ Іерусалимомъ, и изгладить ея имя съ лица земли; но Іерусалимъ остался святынею міра, а обновленная новымъ блескомъ Москва осталась святынею Россіи.

Павловскъ.
8 Сентября 1868 года.

КАТАЛОГЪ ИЗДАНІЙ

Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

1) Сборникъ «Старина и Новизна». 1, 2, 3, 4 5 и 6-я книги. Цѣна 2 р. каждой книги, для членовъ Общества по 1 р. *).

2) I выпускъ. «Завѣтъ Царя-Миротворца». Рѣчь протоіерея П. А. Смирнова, произнесенная 26 февраля 1897 г. въ торжественномъ собраніи Общества. Изданіе безплатное.

3) II выпускъ. 1) Рѣчь гр. С. Д. Шереметева. 2) Стихотвореніе А. Н. Майкова. 3) Стихотворенія гр. А. А. Голенищева-Кутузова, произнесенныя 26 февраля 1897 г. въ торжественномъ собраніи Общества. Изданіе безплатное.

4) III выпускъ. Братья Кирѣевскіе. Жизнь и труды ихъ. Валерія Лясковскаго. Цѣна 80 к., для членовъ Общества 40 к.

5) IV выпускъ. Біографія генерала Котляревскаго. Соч. гр. Соллогуба. Цѣна 1 р., для членовъ Общества 50 к.

6) V выпускъ. Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка И. Т. Посошковъ. Его жизнь и дѣятельность. Историч. очеркъ И. С. Бѣляева. Цѣна 40 к., для членовъ Общества 25 к.

7) VI выпускъ. Рѣчь Предсѣдателя Общества, произнесенная въ засѣданіи Совѣта 21 апрѣля 1902 г. въ двадцатый день по кончинѣ Дмитрія Сергѣевича Сипягина. Изданіе безплатное.

8) VII выпускъ. Рѣчь Предсѣдателя Общества, произнесенная въ засѣданіи Совѣта 12 мая 1902 г. по поводу кончины Сергѣя Александровича Рачинскаго Изданіе безплатное.

9) VIII выпускъ. С. А. Рачинскій, съ портретомъ. Н. М. Горбова. Ц. 30 к.

10) IX выпускъ. Памяти С. А. Рачинскаго. † 2 мая 1902 г. Валерія Лясковскаго. Цѣна 20 коп.

11) X выпускъ. Меньшиковъ. Историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ портрет. Меньшикова. Соч. В. Л. Величко. Цѣна 1 р., для членовъ Общества 50 коп.

12) Татевскій Сборникъ С. А. Рачинскаго. Съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова. Цѣна 1 р. 50 к., для членовъ Общества 1 р.

13) Бесѣды о древней русской литературѣ. И. П. Хрущова. Цѣна 1 р. 25 к., для членовъ Общества 65 к.

14) Переводы. Выпускъ I. «Константинополь». Соч. Ф. Маріона Краўфордъ. Переводъ съ англ. гр. Е. П. Шереметевой, подъ редакц. проф. Помяловскаго. Цѣна 50 к., для членовъ Общества 25 к.

Складъ изданій Общества: 1) С.-Петербургъ, Фонтанка, 34. 2) Москва, Воздвиженка, д. 8 гр. С. Д. Шереметева.

1903 г.

---

*) Гг. Члены Общества могутъ получить по уменьшенной цѣнѣ лишь по одному экземпляру каждой книги, требуемые же сверхъ сего экземпляры оплачиваются по цѣнѣ, установленной для постороннихъ лицъ.